

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

СВИДЕТЕЛЬ
НЕ УВИДЕВШИЙ СВЕТ

Полковник Гуров

Николай Леонов

**Свидетель, не увидевший
свет (сборник)**

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Свидетель, не увидевший свет (сборник) / Н. И. Леонов —
«Эксмо», 2015 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-84691-7

В столичном пруду найдено тело девушки. Она была задушена, а затем брошена в воду. Другую утопленницу со сломанной шеей нашли на пляже в Строгино. У следствия не было сомнений, что оба убийства – дело рук одного человека. Знаменитые сыщики МУРа Гуров и Крячко приступили к розыску преступника. Первое, что они сделали, – это тщательно изучили подробности личной жизни утопленниц, и тотчас всплыл один любопытный факт. Оказывается, незадолго до гибели обе девушки лежали в одной и той же палате частной клиники, причем одна из них была беременна. Сыщики поняли, что следы преступника надо искать рядом с отцом неродившегося младенца...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84691-7

© Леонов Н. И., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Зброшенный карьер	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Николай Леонов, Алексей Макеев Свидетель, не увидевший свет (сборник)

© Леонова О.М., 2015

© Макеев А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Заброшенный карьер

Глава 1

Ей снился долгий и утомительный путь. Она не видела дороги под ногами, не видела в этом сне каких-то препятствий на своем пути. Просто знала, что путь ее был долог и очень утомителен. Утомителен в своем однообразии, в своей серой тоске. И это была не физическая усталость, это была безысходность человека, которому некуда идти. Шла-шла, и вдруг пустыня, в которой нет даже эха.

Нет, она не металась, не кричала, не рвала в стенаниях волосы и одежду. Она просто брела и брела. Ей встречались люди, но все какие-то серые и... плоские, не имеющие объема. Они были больше похожи на фанерные щиты с наклеенными на них фотографиями, какие она видела когда-то в Москве в период перестройки. Щиты с фотографиями политических деятелей в полный рост, и ты фотографируешься с ними. Тогда она была 18-летней девчонкой и поступала в Москве в институт.

Это было самое яркое впечатление, а потом потянулись долгие и безрадостные дороги. Нет, в жизни, конечно, все было не совсем так, в жизни и потом были яркие моменты, но во сне все утрировано, во сне видится самая суть. И суть заключалась в том, что она шагала по камням, перепрыгивала с валуна на валун, и вдруг оступилась. Не испугалась, нет. Ей не грозила опасность, все было вполне обычно. Но вдруг ее рука оперлась на ЕГО руку. Она резко вскинула голову и увидела его лицо. Лицо сильного, уверенного, зрелого мужчины. Рука была сильной, на нее было удобно опираться, она была надежна. И он сказал слова! Она хорошо их слышала.

– Осторожно! Вы не ушиблись, сударыня? – произнес мужчина.

И она проснулась – с ощущением своей руки в его теплой твердой руке. Только этого не хватало! Ей уже мерещатся ощущения мужских рук. А ведь она увидела его глаза! Как он смотрел на нее, и его взгляд проникал в самую душу, разбередил там все, звал с собой.

«Сударыня»... Как он это сказал! Не с иронией, но и не серьезно. Это прозвучало как приглашение в мир фантазии, как иллюстрация истинной интеллигентности ее героя, ее мечты...

На Северном Урале Гуров был последний раз лет двадцать назад. Да, тогда они, помнится, прилетали в Пермь, а потом местным самолетом летели на север, где-то на берегах Печоры надо было взять опасного преступника. Далеко он забрался от Москвы, но брать его поехали оперативники МУРа, потому что на карту было поставлено тогда многое, а главное, репутация ведомства – ведь они едва не упустили его. Да, было...

Сейчас Гуров вылетал из Северопечорска после проведения плановой проверки. Такова работа полковника из Главного управления уголовного розыска МВД России: оказание методической помощи, проверки, участие, а то и руководство самыми сложными и важными оперативно-розыскными мероприятиями. Разнообразна как по форме, так и по географии.

Да, Орлов выглядел не очень солидно, когда просил Гурова вылететь сюда. Тот сотрудник, у кого в плане стояла эта проверка, слег в больницу, все по уши в своих делах; Крячко должен бы выйти на службу через два дня, а Гуров только после отпуска. Свеж и бодр. Ему было очень неприятно смотреть, как Орлов начал его уговаривать, и он согласился сразу, пожалев старого друга и начальника. В конце концов, за это он и получает зарплату. И ничего заумного – рядовая проверка работы подразделения уголовного розыска местного ГУВД. Ведение опе-

ративных дел различных категорий, правильное расходование оперативных средств, соблюдение сроков, соблюдение планов переподготовки личного состава.

Ну, вот и позади дни привычной рутинной работы. Только вот не назовешь ее никак серой, думал Гуров, глядя в окно старенького «Ан-2», то и дело нырявшего в воздушные ямы. Как не назовешь серой природу внизу. Двадцать лет назад он прилетал сюда в начале лета, в период белых ночей. Сейчас белые ночи закончились, все чаще дни бывали холодными, хотя только начало августа. Поросшие хвойником горы зеленели, под крылом самолета тянулись бурые болота, стадо оленей метнулось в сторону, разбрызгивая копытами грязную жижу, под деревьями, кажется, медведь драл когтями кору дерева.

Медведя Гуров увидеть, конечно, не мог, это его фантазия. Самолет шел на высоте тысячи двухсот метров над горами, и только тусклое солнце отражалось в водных проплешинах на болотах. Стоп, какие тысяча двести, дошло вдруг до Гурова. Он с изумлением снова посмотрел в иллюминатор. Самолет явно снижался, машину в воздухе заметно потряхивало и бросало из стороны в сторону.

– Фронт нас с северо-запада догоняет, – пояснил бородатый мужчина, сидевший на соседнем кресле. – Из Заполярья прорвался холодный воздух, и теперь нас может унести за хребет.

– Он что, садится будет? – забеспокоился Гуров.

– Почему? – добродушно удивился мужчина. – Совсем не обязательно. Просто он спустился в самый нижний эшелон. Здесь меньше турбулентность.

– Вы, я вижу, специалист? Летчик? Или синоптик?

– Геолог, – рассмеялся мужчина. – Летать часто приходится, вот и стал сведущим. А вы? Вроде бы не местный. Из Перми или из столицы?

– Из Москвы, – кивнул Гуров, и тут самолет так тряхнуло, что сыщик чуть не прикусил язык.

Все десять пассажиров маленького самолета замолчали, прислушиваясь к звукам и тряске, но ни страха и ни паники Лев не заметил. Значит, ничего страшного, значит, все как обычно. Но теперь появилась какая-то вибрация с правой стороны. Как раз с той, где он сидел.

– Не развалился бы этот старичок! – натянуто улыбнулся Гуров соседу и кивнул на потолок.

– Да бросьте вы, – беспечно усмехнулся геолог. – Это самый надежный самолет из тех, что у нас когда-то делали. Он очень устойчивый, крепкий, может планировать, если у него откажет мотор. Знаете, как говорят летчики про «Ан-2»? Он может летать всюду, где есть небо.

И тут открылась дверь кабины пилотов, и на пороге, небрежно облокотившись плечом, замер невысокий худощавый парень в летной кожаной куртке.

– Так, без паники! – объявил пилот, широко улыбаясь. – Мы заходим на посадку в Суктыл. Ничего опасного, все под контролем. Просто погода настолько ухудшилась, что нашей «птичке» стало тяжело лететь. Подождем благоприятного прогноза и доставим вас в Пермь.

– А сколько ждать? – тут же стали наперебой спрашивать с передних сидений.

– К концу дня ветер может утихнуть. Главное, чтобы прошли тучи со снеговыми зарядами. Думаю, они пройдут севернее, но если повернут на юг, нам лучше переждать. А теперь все пристегнулись!

Гуров не боялся летать на самолетах. Уж он-то хорошо знал статистику, по которой самым опасным видом транспорта является автомобиль. В ДТП гибнет несравненно больше людей, чем в авиационных катастрофах. Настолько больше, что и сравнивать не стоит. Другое дело, что каждая авиационная авария очень шумно обсуждается во всех красках. Ну, упадет где-то самолет раз в год, погибнут двести или триста пассажиров. Но ведь это в год. А в любой стране такое количество погибает в ДТП только за неделю. Но сегодняшняя посадка очень легко показала, что своя рубашка ближе к телу, что вся статистика улетучивается из

головы, как только ты сам оказываешься в аварийном самолете, совершающем посадку в условиях ухудшающейся на глазах погоды.

Пассажиры торопливо шли к зданию аэровокзала – небольшому каменному одноэтажному зданию. Гуров еще раз оглянулся на несчастный «Ан-2» с развевающимся между двумя правыми плоскостями тросом расчалки. Ремонт, может, и простой, но кто его тут будет делать? И сколько на это уйдет времени, учитывая вот это небо? Небо было серое, низкое, а по северному горизонту напозлали друг на друга сине-черные тяжелые снеговые тучи. Что там сейчас творится, в трехстах километрах отсюда, и представить страшно. Гуров поднял воротник своей синей городской куртки, которая так выделялась среди практичной и простой одежды местных, и поспешил догонять других пассажиров.

– Здравия желаю! – Высокий подтянутый подполковник Житников вышел из-за стола и протянул Гурову руку. – Как это вас к нам занесло? Не иначе, непогодой.

Гуров с интересом взглянул на абсолютно белую шевелюру еще достаточно молодого подполковника, начальника местного районного УВД.

– Тут не только погода, – вздохнул он. – Нас, как я понял, еще и снесло в сторону от курса, а потом у самолета случились неполадки. Сели мы фактически вынужденно.

– И что авиация? Не гарантирует вылет? – Подполковник жестом пригласил его сесть у окна в мягкое кресло возле небольшого столика. – Хотите коньяку? Очень согревает.

Пока он с улыбкой разливал коньяк по рюмкам и нарезал ломтиками румяное южное яблоко, Гуров рассказал, что в аэропорту местное руководство пообещало не позднее завтрашнего дня отправить всех пассажиров другим бортом до Перми. Правда, присутствовала небольшая оговорочка – если до Суктыла не дойдет полярный холодный фронт.

После первой, собственно, и единственной рюмки Житников предложил рассмотреть другие варианты. Он вызвал каких-то Прохоренко и Завьялова, вопросительно посмотрел на Гурова и, уловив отказ, убрал бутылку коньяка в шкафчик. Пока закипала вода в электрическом чайнике, в кабинет шумно ввалились трое офицеров: грузный майор с веселым добродушными лицом, суровый капитан и молодой лейтенант с румяными юношескими щеками, которые красноречиво говорили о том, что эти погоны он надел, самое раннее, в этом году.

Майор Прохоренко жизнерадостно пожал столичному полковнику руку и заверил, что, доехав междугородным автобусом до Сосногорска, а это каких-то триста километров на запад, Гуров вполне успеет пересесть на поезд до Сыктывкара. А уж из Сыктывкара есть прямой рейс до Москвы.

Согревшись от коньяка, Лев благодушно стал благодарить за прием и просить содействия в приобретении билета на автобус, если вдруг все дело упрется в «бронь» при отсутствии в кассе билетов, а заодно и запросить по телефону линейный отдел полиции в Сосногорске...

И тут капитан Завьялов с каменным выражением лица объявил, что товарищ полковник крепко застрял. Дорога до Сосногорска уже в прошлом году была в таком состоянии, что автобусы по ней ходили с огромным трудом и опозданием. Сегодня автобус из Сосногорска так и не пришел, потому что он, капитан Завьялов, ждал своего сотрудника именно этим автобусом и собственноручно наводил справки. Если автобус все же придет и попытается двинуться в обратный путь до Сосногорска, то неизвестно, когда товарищ полковник доберется до железнодорожного вокзала, если вообще доберется... По крайней мере, сегодня всех пассажиров вернули в Сосногорск.

– И что? – нахмурился Гуров. – Из ваших мест выбраться нереально, несмотря на то, что на улице давно уже двадцать первый век?

– Если вы настаиваете, товарищ полковник, – заговорил Житников, и по его лицу было понятно, что его самого это предложение не радует, – если настаиваете, то я могу отправить вас в Сосногорск на служебной машине. Надеюсь, при следующей проверке меня не взгреют за

такой перерасход лимита бензина. Замолвите словечко? Все-таки триста с небольшим километров, а на такой дороге расход будет процентов на тридцать больше.

Пока подполковник выдавал эту пространную тираду, Гуров услышал краем уха, как майор Прохоренко громко шептал лейтенанту:

– Это он зря, конечно... все-таки полковник из МВД, из центрального аппарата... потом проблем не оберешься... чего тут о бензине беспокоиться...

– Ладно, товарищи, – решительно хлопнул себя ладонью по колену Лев и поднялся с кресла. – Не надо наживать из-за меня проблем. Я просто хотел узнать побольше о возможностях выбраться отсюда поскорее. Нет, значит, буду ждать самолета с другими пассажирами.

– У нас тут есть своя ведомственная гостиница, – не очень уверенно начал Житников.

– Товарищ подполковник, – вдруг обнаружил высокий юношеский голос лейтенант, – а если мы товарища полковника отправим через мое Белореченское?

– В смысле? – не понял Житников, а Гуров с интересом посмотрел на парня.

– В смысле, если я возьму товарища полковника с собой. Сегодня приходит дрезина с почтой и продуктами для магазина. А вечером она идет назад. Оттуда час лета до Перми, а там уже и цивилизация. Товарищ полковник еще сегодня успеет вылететь в Москву.

Идея Гурову понравилась, хотя не все нюансы были понятны. Но главное, что манило согласиться, – ключевые слова: «еще сегодня», «вылететь в Москву».

– Что за дрезина и куда она поедет? – спросил он.

– Понимаете, товарищ полковник, к нам в Белореченское ведет одна автомобильная дорога, но она настолько разбитая, что снабжение наладилось как-то само собой через соседний райцентр. С почтой понятно, она в своем ведомстве все внутри решило, и почту к нам через соседний райцентр отправляют, а вот бизнес был налажен изначально с соседним районом. Туда хоть и дальше, почти сто восемьдесят километров, но по железной дороге быстрее получается. Вот поэтому и магазин был от соседей, и снабжение тоже.

– А электрички нет?

– Так ветка же концевая, – улыбнулся лейтенант, – она строилась только для обеспечения горнодобытчиков. А по пути к нам с той стороны нет никаких поселков. Хорошо еще, мотодрезина курсирует. Это типа маленького маневрового тепловозика, только оснащенного карбюраторным двигателем, с площадкой и большой кабиной. На таких обычно ремонтные бригады возят.

– Что-то у тебя сегодня сумка маловата, – пробасил железнодорожник с обвислыми прокурными усами.

– Так писать у вас стало некому, Василич, – с мягкой улыбкой ответила женщина-почтальон, сидевшая у окна в кабине дрезины. – Совсем поселок обезлюдел.

– А это тебе кто? – кивнул железнодорожник на мужчину, курившего на открытой площадке вместе с помощником машиниста.

– Племянник мой, Пашка. Ты забыл его, что ли?

– Пашка? Бочкин? Изменился на городских харчах, – засмеялся в седые усы машинист. – Вроде раньше худощавым парнем был. Шустрым таким, бойким. А сейчас и не узнать. Солидный. Городской.

Дрезина, которая до этого шла с ровным гулом, постукивая только на стыках рельс, вдруг задержалась. Мотор стал работать с какими-то перебоями. Машинист тихо выругался и отвернулся от почтальонши. В кабину тут же вбежал помощник машиниста Леша Штыков. Молодой, с оттопыренными ушами и вечной улыбкой на лице.

– Че такое, дядь Саш? Опять карбюратор?

– Какой там карбюратор, свечи забрызгало опять! Доездили мы этот движок до ручки! Не тянет совсем...

– До поселка-то хоть доедем, – забеспокоилась почтальонша, – а, Александр Васильевич? Осталось-то совсем немного.

– До поселка дотянем, – угрюмо ответил машинист. – А вот как ты, Ольга Ивановна, назад добираться будешь, ума не приложу.

– А что, совсем плохо дело?

– Не знаю, не знаю, – покачал он головой и кивнул на улыбающегося Лешку: – Вон, мастер у нас с золотыми руками. Руки-то золотые, да растут не из того места.

Поселок появился, как всегда, неожиданно. Последний поворот железнодорожного полотна, и впереди по ходу поезда возникла, как маяк на берегу, покосившаяся прожекторная мачта. Последняя из десятка, которая избежала несчастной участи, остальные рухнули в период безвременья и бесхозяйственности, были порезаны и сданы во Вторчермет.

Мотодрезина, тарахтя на малых оборотах и чадя черным дымом, подползла к деревянным старым воротам бывшего железнодорожного депо, некогда принадлежавшего карьерному хозяйству. Машинист коротко посигналил, потом дал знак Лешке, и тот, ловко соскочив на землю, побежал к воротам.

Ольга Ивановна с помощью молчаливого племянника спустилась на насыпь, помогла ему надеть на плечо свою тяжелую сумку, и оба двинулись по краю насыпи к крайним домикам поселка. Встречавшиеся изредка на пути женщины и старики здоровались, с интересом оглядывали племянника, расспрашивали о новостях. Кто-то спешил к дому за очками. Ольга Ивановна привозила в поселок еще и пенсии.

– Аня, – остановилась она у большого дома в центре пыльной улицы, – как поживаешь, подруга?

– Ой, Оля! – Женщина всплеснула руками и двинулась к калитке, вытирая на ходу руки о передник. – Что-то ты припозднилась сегодня. Здравствуй, Паша! Никак погостить приехал?

– Ань, ты нас на постой непустишь? Что-то у Рыбникова дрезина совсем ехать не хочет. Говорит, раньше завтрашнего полудня он не сможет выехать, мотор перебирать будут.

– А чего же не найти, чай, подруги со школы еще. Найдем угол, – засмеялась женщина. – Ты, Паша, тоже у меня остановишься или как?

– Да, наверное, – пожал плечами Павел.

Никто не обратил внимания, что он приглядывается к мужчине в камуфляжной куртке с зачехленным охотничьим ружьем на плече. Мужчина стоял возле местного магазинчика и неторопливо курил. Потом бросил окурочок и двинулся вдоль улицы в сторону заброшенных карьеров.

«Уазик» подпрыгивал, иногда скакал на спусках боком, норовя уйти с дороги к деревьям. Гуров вздыхал и морщился, понимая, что лейтенант Чебриков, как он представился московскому полковнику, водить «уазики» не умеет. На ровных участках он вполне сносно справлялся с управлением, но на неровных спусках машина в его руках делалась неуправляемой. Однако требовать отдать руль Гуров не стал, ограничившись лишь устными замечаниями и рекомендациями.

Дорога вилась между скалистых участков, потом уходила под своды хвойного леса. Часто машина выезжала на открытые участки, и перед взором представала вся красота гор. Асфальт под колесами «уазика» появлялся довольно редко, точнее, остатки асфальта. Чаще это было укатанное крошево местного обломочного материала. Видимо, поселок и правда был забыт властями, раз здесь даже за дорогой не следили. Но участковый продолжал убеждать Гурова, что тот выгадывает почти двое суток, пытаясь попасть в Пермь этим путем. И непогода, которая непредсказуема в этих близких к Заполярью местах, может отсрочить вылет пассажиров «Ан-2» на неопределенное время.

– Я там работаю всего месяц, – рассказывал лейтенант. – Поселочек так себе. Раньше он больше был: лесхоз, заготовка пушнины, зверосовхоз. Потом, году в 1984-м, там открыли залежи кварца, и не просто кварца, а какого-то «оптического», молочно-белого жильного. Говорят, на «оборонку» работал карьер. Добывали открытым способом, и в поселке было оживление. Почти все мужики работали в карьере, даже дома строились для вновь приезжающих. Начинали строить горнообогатительный комбинат, трансформаторную подстанцию. Геологи табунами ходили, гидрологи. Речушку Белую, вы ее еще увидите, когда мы переезжать будем, предлагали чуть ниже поселка перекрыть, взрывами обвалить ущелье и создать водохранилище с электростанцией для обслуживания и завода, и карьера, и всего района.

– А потом что? – спросил Гуров без всякого интереса. Таких историй он за время командировок наслушался очень много.

– А потом карьер постепенно начал снижать добычу. То ли у них жила заканчивалась, то ли накладно стало возить отсюда. А может, бизнесмен, который приватизировал карьер, разорился. Ну, в общем, тут население раньше было около пяти тысяч человек, а сейчас не больше трехсот семей.

– И чем же они живут? – удивился Лев.

– Ну, в основном это пенсионеры, которым ехать некуда. Хотя некоторые мужики работают в лесхозе, но те почти все лето в тайге. Человек двадцать в железнодорожном депо работают. Это остатки прошлого депо, которое карьер обслуживало и строительство. Теперь туда по договорам из соседнего района гоняют на ремонт подвижной состав. Товарные вагоны, платформы, полувагоны. Наши дорого не берут. Сварка есть, пилорама есть, кузница есть.

– И охотники, – продолжил Гуров.

– И охотники есть, промысловики, – согласился Чебриков. – Бабы травы и ягоды собирают, сдают в аптечную структуру. Школа только начальная, магазинчик универсальный: от продуктов до товаров первой необходимости. Библиотека есть и поселковая администрация в лице трех человек: главы местного самоуправления, бухгалтера и секретарши. Когда они работают, я не знаю, потому что в администрации все время закрыто, а наш глава Буняк все по поселку ходит, что-то ищет. Но чаще куда-то уезжает.

– А это что? – Гуров показал рукой вперед, где горбилось и топорщилось нечто странное и металлическое.

– Это наша беда! – с иронией заявил лейтенант. – Раньше это было мостом. Но вовремя его ремонтом никто не занялся, и в один из бурных паводков его снесло и завалило поперек русла. Остались только сваи и железная конструкция на боку возле них. Не целиком, конечно, но половина моста в реке.

– И как же вы ездите?

– Правее сделали временный деревянный. Мы сейчас к нему и сворачиваем. Но, как обычно, нет в России ничего более постоянного, чем временное.

Гуров озабоченно посмотрел через стекло водительской двери, где сквозь переплетение стальных ржавых балок упавшего моста билась и пенилась бурная река. Сыщик представил себе рухнувший мост стоявшим, и ему показалось, что уровень воды в реке был вровень с уровнем настила моста. Успокаивало понимание того, что такого быть просто не могло. Так мосты не строят.

Машина снова заскакала по камням, зашелестел под колесами щебень. Да, объезд был накатанным, но автобусы тут явно не ходили. По крайней мере, после того как рухнул основной мост. Но когда перед глазами московского полковника предстал второй мост, названный участковым временным, стало ясно, что временный он в высшей степени. Опоры под углом опирались в склоны высоких берегов реки, отправляя память в далекое прошлое, ко временам рыцарских замков и подъемных мостов над бездонными пропастями. Здесь пропасть не была бездонной, здесь бушевала река, порой обдавая пеной бревенчатый настил моста.

– Слушай, а он выдержит машину? – забеспокоился Гуров, но замолчал, глядя, как участковый смело въезжает на деревянное строение.

Колеса вибрировали на тонких бревнах, настеленных и обвязанных тонким стальным тросом. Ниже были только четыре продольных бревна на опорах, переброшенных через бурный поток. Гуров посчитал, что одного ряда настила было маловато. Провалились хоть одно сгнившее бревно, и колесо машины намертво встанет между двумя соседними. Что-то строители перемудрили и упростили.

И тут мост задрожал под днищем автомашины, заставив его невольно вцепиться в ручку на передней панели машины. Это была даже не дрожь, а покачивание моста. Сыщик не успел спросить участкового, часто ли при проезде через этот хлипкого вида мост ощущаются такие эффекты, достаточно было бросить взгляд на лицо молодого лейтенанта, чтобы понять, что происходит нечто из ряда вон выходящее. Чебриков машинально нажал на газ, заднюю часть «уазика» подбросило и занесло вправо. Мост заметно покачнулся и стал крениться по течению реки. Гуров замер, вцепившись правой рукой в дверную ручку. Он был готов распахнуть дверь при первом же намеке на падение моста.

Но машина взревела двигателем и одним рывком преодолела последние метры бревенчатого настила. Чебриков, отчаянно крутя рулевым колесом, выровнял машину и нажал на тормоз. Гуров выскочил из остановившейся на берегу машины и с откровенным ужасом смотрел, как медленно заваливается в бушующую воду бревенчатая конструкция, постепенно распадаясь на части. Сначала вода посрывала настил моста, спутанный стальным тросом, потом с натугой развернула четыре толстых бревна вдоль русла, и весь этот деревянный хлам с грохотом поволокло по узкому каменистому руслу.

– Вот это ни хрена себе! – раздался над его ухом голос участкового.

– Очень точно сформулировано, – проворчал сыщик. – И что это сейчас тут было, если не секрет?

– Наверное, в верховьях ливневые дожди прошли из-за поступления холодного воздуха. – Сняв форменную кепку, лейтенант вытер потный лоб рукавом куртки. – Вот уровень и поднялся... И напор как следствие!

– Володя, – тихим, почти равнодушным голосом заговорил Гуров, хотя внутри у него все кипело от мысли, что он сам себя чуть не угробил, поддавшись уговорам молодого и, видимо, не очень опытного участкового. – Володя, ты не знал, что мост слабоват для этой реки и для легковых автомашин?

– Ну-у, – замаялся участковый, – я, конечно, говорил в районе, рапорта писал.

– Так звони! Доставай «мобилу» и звони, что тут такая беда случилась! Своему начальству, в МЧС звони!

– Видите ли, товарищ полковник, – виновато захолопал глазами участковый. – Тут мобильная связь не берет.

– Как? – опешил Лев. – В смысле, вот на этом месте не берет? А в поселке?

– Да нигде не берет, – уныло ответил лейтенант. – Тут аномалия какая-то.

– Ясно, – кивнул Гуров, поворачиваясь к машине. – Поехали, надо срочно звонить. Надо восстанавливать мост, принимать меры к восстановлению сообщения с поселком. Триста семей – это не шутка, это люди, Володя! А если «Скорая помощь» кому-то понадобится, а если роды?

Поселок встретил Гурова безлюдьем. Где-то тарахтел дизельный генератор, где-то лаяли вездесущие собаки. Дома располагались в относительном порядке только с этой стороны поселка. Но чем дальше, тем беспорядочнее становилась его планировка. Лишь покосившаяся прожекторная мачта возвышалась над этой картиной запустения и забвения.

– Вот железнодорожное депо, – сворачивая к огромному ржавому железному ангару с массивными деревянными воротами, сказал Чебриков. – Только я что-то дрезины не вижу. Внутри, что ли, загнали?

Гуров с самыми мрачными предчувствиями спрыгнул на укатанный щебень возле железнодорожного полотна и пошел следом за участковым к воротам. В приоткрытую створку он сразу увидел темнеющую платформу на колесах и кабину с характерной рукой маленького крана над ней. Где-то наверху гремели железом и энергично что-то обсуждали мужские голоса.

– Александр Васильевич! – громко крикнул участковый.

Над бортом показалась исключенная голова на мощной шее, и маленькие неприветливые глаза глянули на гостей.

– Чего? – коротко осведомилась голова.

– Ты чего, Плетнев, не выспался? – недовольно проворчал Чебриков. – Рыбников здесь?

Голова исчезла, а следом за ней над бортом поднялась коренастая фигура пожилого мужчины в грязной замасленной рабочей спецовке. Седые прокуренные усы делали его лицо добродушным, хотя в глазах сквозило недовольство и даже раздражение.

– А-а, участковый? – произнес мужчина. – Надо чего или так просто зашел? Проверить, как дела на твоей территории.

– Я по делу. – Лейтенант явно старался держаться солидно в глазах московского полковника. – Что у вас с аппаратом?

– С этим? – Рыбников кивнул вниз, на спины копошившихся помощников, которые виднелись над бортом. – А никак! Забудь, что он был когда-то.

– В смысле? – нахмурился участковый.

– В смысле, что поршневая накрылась. А здесь починить нам двигатель не удастся. На приколе наша лайба. Надолго!

Гуров повернулся и молча вышел на улицу, запахивая на ходу куртку. Он проклинал себя последними словами за свое нетерпение, за глупую торопливость. Видите ли, ему хотелось поскорее вернуться в Москву. А торопливость, как известно, хороша при ловле блох и... при диарее, будь она неладна.

Лейтенант вышел следом и молча остановился за спиной сыщика. Он несколько раз звучно вздохнул, потом, наконец, заговорил виноватым тоном:

– Непредвиденные обстоятельства, товарищ полковник. Такое предвидеть было невозможно. Все старое, все постоянно выходит из строя. Это как стихия, на которую обижаться нельзя, потому что она...

– Хватит причитать! – оборвал участкового Гуров. – Если уж кого мне и винить, так только себя. Попал в самую настоящую западню. Поехали к ближайшему телефону, будем решать с Большой землей, как мне отсюда выбираться.

– Надо еще почтальона отсюда отправить, – тихо добавил участковый. – Она с дрезиной приехала, и ей надо назад сегодня.

– Тем более, – забираясь в кабину, ответил Гуров. – А что, никакой дороги совсем нет до соседнего райцентра? Может, вдоль железнодорожной насыпи?

– Да болота там. Пару километров, может, и проедем, а потом даже на «уазике» сядем. Там только на гусеничном вездеходе можно проехать, а у нас такого нет.

Машина остановилась возле бревенчатого добротного дома на высоком каменном фундаменте. Большая красная вывеска извещала, что здесь располагается участковый пункт поселка Белореченское. Высокий дощатый забор уходил вправо и влево, отгораживая нечто вроде огорода с задней части дома, хотя там, насколько Гуров мог видеть, ничего не росло.

– Вот мой офис, – грустно улыбнулся участковый, вылезая из машины. – А с другой стороны вход во вторую половину дома. Там моя квартира. Служебная.

Гуров сошел с остатков асфальта, некогда покрывавших центральную улицу, и двинулся следом за Чебриковым к крыльцу с небольшим навесом над ним. В доме было холодно и неуютно. Чувствовалось, что это нежилое помещение. Большая комната с вполне современным офисным столом, компьютер, телефонный аппарат на нем и выкрашенный в синий цвет

сейф с правой стороны на расстоянии вытянутой руки. Ну и несколько разномастных стульев вдоль стены заканчивали скудный интерьер.

– А вот это мой личный изолятор временного содержания, – проходя мимо большой решетки, похлопал рукой по прутьям Чебриков. – Между прочим, с канализацией, у меня тут два года назад вполне современный септик устроили. Так что живу цивилизованно.

Обогнув свой рабочий стол и сдвинув в сторону несколько журналов, лейтенант снял с головы форменную кепку, бросил ее рядом. Гуров, засунув руки в карманы, терпеливо наблюдал за манипуляциями молодого лейтенанта. Наконец Чебриков поднял трубку телефонного аппарата, приложил ее к уху. Его рука нависла над рядом кнопок и... замерла. Он подул в трубку, постучал по кнопкам аппарата, потом зачем-то поднял его, перевернул. И, нагнувшись с озабоченным лицом, проверил подключение провода к телефонной розетке.

– Да, Володя, – меланхолично кивнул головой Лев и уселся напротив лейтенанта, забросив ногу на ногу, – с канализацией у тебя тут все нормально.

– Не работает, – растерянно ответил лейтенант.

– Ты не представляешь, в какую западню ты меня заманил, – вздохнул Гуров. – Если бы я был миллиардером, известным политиком, я бы еще понял, но...

– Наверное, провод оборвался, – снова невпопад ответил участковый. – Надо на улице посмотреть.

– Пойдем, – согласился сыщик. – Я подозреваю, что у вас тут все не работает, даже то, что в принципе и сломаться не может. Люди-то хоть в поселке есть, а то, может, нет никого, вымерли все, пока ты отсутствовал?

– Шутите, – вставая и надевая головной убор, улыбнулся участковый.

– Я не столько шучу, сколько пытаюсь понять, где я тут буду жить, – проворчал Гуров.

– Шутите, – снова констатировал участковый. – Сейчас найдем работающий телефон. А если что, так у нас на узле связи есть штатный техник. Может, у него временные неполадки. Вы знаете, товарищ полковник, за время моей работы в этом поселке еще не было случая, чтобы связь не работала.

Глава 2

Несмотря на уверенные интонации, участковый двинулся вдоль улицы к зданию администрации слишком торопливым шагом, чтобы это ускользнуло от внимания сыщика. Разволновался лейтенант! Неудобно перед московским полковником? Или правда волнуется, что поселок мог оказаться совсем отрезанным от внешнего мира? Не Северный же полюс, в конце концов! Чебриков тоже, видимо, понял, что щеголять статистикой поломок при его стаже работы в этом поселке глупо, и замолчал.

Второй дом от участкового пункта оказался кирпичным. Впереди еще несколько домов выделялись добротностью постройки, а потом к лесу снова шли деревянные срубы. Гуров с интересом посмотрел на табличку справа от двери: «Белореченская поселковая библиотека». Не успел он подумать о том, что когда-то поселок действительно жил бурной современной жизнью, раз библиотека занимала весь этот большой дом, как дверь неожиданно распахнулась и на пороге появилась женщина в кожаной куртке, из-под которой виднелось шерстяное платье, и в резиновых сапогах. Она выглядела немного рассеянной и даже вдруг споткнулась на третьей ступеньке, зацепившись носком сапога. Сыщик мгновенно сделал шаг назад, поймал женщину за талию, не дав ей упасть, и, наконец, разглядел ее лицо, еще не особенно тронутое морщинами, – вполне ухоженная кожа, чуть припухшая нижняя губка, вздернутый кончик носа и большие, просто огромные карие глаза. Они смотрели на Гурова очень странно, с каким-то ожиданием или даже страхом. И эти глаза подтолкнули Гурова обронить немного неуместную для этих мест фразу:

– Осторожно! Вы не ушиблись, сударыня?

– Н-нет, спасибо вам, – пробормотала женщина мелодичным высоким голоском. – У вас такие сильные руки...

– Они привыкли ловить и спасать в трудную минуту, – ответил Лев и вдруг понял, что он флиртует с абсолютно незнакомой женщиной. Причем флиртует не для дела, не для того, чтобы расположить к себе возможного свидетеля или склонить на свою сторону, а просто потому, что она привлекательная молодая женщина и он только что держал ее за талию, и ему было, черт возьми, приятно.

– Вы всегда приходите на помощь женщинам? – с улыбкой спросила она, освобождаясь из рук незнакомца.

– Стараюсь по мере сил приходиться на помощь всем, кому могу помочь... А вы работаете в библиотеке?

– Вероника Андреевна заведует у нас библиотекой, – пояснил подошедший участковый. – Здравствуйте, Вероника Андреевна.

– Здравствуйте, Владимир Михайлович, – церемонно ответила женщина.

– Меня зовут Лев Иванович, – решил представиться Гуров. – Я вот оказался попутчиком вашего участкового, рассчитывал уехать с вашей дрезиной, но она сломалась. Теперь ищем телефон, у участкового он тоже сломался. Такой выдался день поломок и неудач с падениями. А у вас в библиотеке есть телефон? Нам нужно срочно позвонить...

– У меня он третий день не работает.

Гуров вопросительно посмотрел на участкового, участковый – на Веронику Андреевну.

– Я и вчера, и сегодня пыталась найти нашего техника, но его нет на узле связи. Я записку там оставила.

– Сергей Сергеевич у нас страдает запоями, – смущенно признался Чебриков. – Боюсь, что и временные неисправности – результат очередного запоя. Придется его искать.

Гуров посмотрел вверх, где на столбах виднелся телефонный провод. Провод был цел. Он шел из центра поселка к библиотеке, к участковому пункту и еще куда-то в другую часть поселка.

– Где у вас телефонная станция располагается? – спросил Гуров у участкового.

– В том же доме, что и местная администрация, – кивнул в сторону небольшой площади в центре поселка Чебриков. – Вон в том кирпичном доме. Там и помещение администрации, и комната, где установлена телефонная станция.

– Пошли, – махнул рукой Гуров и, повернувшись к Веронике Андреевне, галантно наклонил голову. – Всего доброго, рад был познакомиться с вами.

Они шли по улице мимо унылых домов, из окон которых не слышно было музыки, детских голосов, смеха. Да и сами окна были пыльными, давно не мытыми. Неухоженные заросшие палисадники, два остова сгнивших легковушек старого советского автопрома. У одного из домов сидели на лавочке три старушки в больших черно-красных платках и обрезанных валенках на ногах. Старушки проигнорировали вежливое приветствие Чебрикова, продолжая подслеповато тарашиться на участкового и его спутника.

Лейтенант открыл дверь и сунул голову в дверной проем. Гуров услышал лишь голоса:

– Надюха, здорово! Буняк где?

– Олег Владимирович уехал в район, – сдержанно ответил молодой женский голос.

– Давно уехал?

– Уж третий день как.

– Ну, понятно. У тебя телефон работает?

– Нет, не работает.

– А где Калинин?

– Я не знаю. Я заходила, но у него там все закрыто. Дома его тоже нет, мне баба Валя так сказала.

– Какая баба Валя? – демонстрируя безграничное терпение, спросил участковый.

– Соседка Калинина. Говорит, что он опять пьяный был.

Гуров не стал слушать дальше разговор участкового с женщиной, наверное, секретаршей главы местного поселкового самоуправления. Он прошел дальше вдоль дома, подергал ставню из листовой стали, запертую, по всей видимости, изнутри, потом подошел к двери с табличкой «Телефонная станция». На двери красовался амбарный замок величиной с хороший мужской кулак. Рядом с дверью висел на стене почтовый ящик с надписью «Для заявок».

– Смотри, Володя, – показал Гуров подошедшему участковому четыре извлеченных из ящика записки. – Сегодня у нас восьмое августа. Вот записка от заведующей библиотеки. Аккуратная женщина, даже подписалась и дату поставила... шестое августа. Это от железнодорожников, без даты. Это от... Воронина? Кто такая?

– Надюха, я с ней только разговаривал. Секретарша главы.

– Это, – покрутил в руках Лев следующий листок, – «О. Полупанова», и тоже без даты.

– Это от нашего магазинчика, от Оксанки.

– Ну, дата одна – шестое августа. Значит, минимум с шестого ваш техник пьет без просыпу? Где его искать и как протрезвить? Связь нужна нам, товарищ лейтенант, связь с внешним миром!

– Он к железнодорожникам мог пойти, хотя, если они записку сюда принесли, значит, они его не видели, – задумчиво ответил участковый.

– Если бы я что-то понимал в этой аппаратуре, я бы ни минуты не ждал, а высадил бы эту дверь и сам разобрался в неполадках, – возмущенно проговорил Гуров.

– Ну, что я тут могу сказать, – уныло развел руками участковый. – Буду искать техника. Обойду дворы, расспрошу.

– Это успеется, лучше скажи, что, вообще никакой дороги отсюда больше нет? Вообще никак не проехать?

– Назад мы через реку никак не переберемся. Пока вода не спадет, туда и соваться опасно. Сами видели, что творится, какой напор...

– А по шпалам?

– Сто восемьдесят километров.

– Про болота я понял, а через горы? Никаких троп нет, может, «уазик»-то вскарабкается?

– Вряд ли. Куда-то доехать, конечно, можно. И охотники ездили, когда тут жизнь активнее была. Но я думаю, что километров пять, десять, а дальше... Скалы, тайга!

Гуров снова задумчиво стал смотреть вверх на столбы, где чернели расходящиеся по поселку телефонные провода. Один кабель, потолще, уходил в сторону железной дороги, а потом по столбам линии электропередачи в сторону болот.

– Вернись за машиной, – велел Гуров Чебрикову, – и догоняй меня, а я пошел вон туда.

Участковый догнал сыщика через три минуты. Гуров сел на переднее сиденье и, не отрывая взгляда от телефонного кабеля, махнул лейтенанту, чтобы тот ехал вдоль столбов. Придерживаясь не столько накатанной, сколько натоптанной дорожки, Чебриков доехал до края поселка, потом немного по пустырю до зарослей осоки. Дальше дороги не было, и только небольшие кочки виднелись между участками, заросшими камышом, и уходили вдаль безрадостной картиной сгнивших остовов деревьев и тухлой воды.

– У тебя бинокль есть? – спросил Гуров.

Участковый с улыбкой завел руку за спинку своего сиденья и извлек оттуда армейский бинокль в твердом зеленом чехле. Лев молча взял его и вылез из машины. Отойдя на несколько шагов в сторону, он взобрался на небольшой пригорок и приложил бинокль к глазам. Чебриков с унылым видом посидел в машине, потом тоже выбрался и нехотя подошел к московскому полковнику. Ну, что там можно разглядеть, думал он. Ведь сказал уже, что не проехать на машине, там только на вездеходе, на гусеничном...

– Посмотри-ка вон туда, на тот столб, возле которого два сгнивших дерева торчат латинской буквой V, – протянул Лев бинокль участковому.

– Ну? – Чебриков не понял, что от него требуется, и разглядывал столб, потом эти два дерева, а заодно и кусты, и кочки вокруг. – А что там?

– Ты на столб смотри, Володя, на самый верх, где провода идут. По самому верху электрические, а ниже черный телефонный кабель, вдоль которого мы с тобой вот до этого места ехали.

– Подождите... – понял, наконец, Чебриков, – так нет его вроде...

– Нет, это точно. – Гуров засунул руки в карманы, задумчиво посмотрел на затянутое тучами хмурое безрадостное небо и поежился. – Столбы есть, линия электропередачи есть, а телефонного кабеля нет. И нет его между четырьмя столбами. Знаешь, какое между столбами расстояние в метрах? А я знаю. Шесть! Три пролета кабеля снято, всего восемнадцать метров. Столбы бетонные, значит, нужны не обычные «кошки» для деревянных столбов, а специальные, в которых забираются электрики на бетонные столбы. Вот такая история. У вас третий день, как кто-то украл большой кусок телефонного кабеля.

– Блин, вот почему связи нет, – пробормотал участковый без энтузиазма. – Алкаши проклятые. Им лишь бы пропить, а что поселок в такое сложное время без связи остался, на это им наплевать.

– Ты, помнится, шутил, что возьмешь меня на постой, а, Володя? – похлопал Гуров участкового по плечу. – Пришло время исполнения взятых на себя обязательств. Поехали-ка отсюда, незачем здесь торчать. Кстати, и поесть бы не мешало. У тебя как с продуктами? Или в ваш магазин наведемся?

– Да есть у меня там в холодильнике, – пожал лейтенант плечами. – Разве что захватить водки взять или коньяку. Если вам надо, конечно.

– Раз полковник из Москвы, – залезая на переднее сиденье, нравоучительно произнес Гуров, – значит, обязательно пьет водку или коньяк в командировке за счет подчиненных или принимающей стороны? Обойдемся мы без этого зелья, дружок!

Квартирка у участкового оказалась небольшой, но очень даже приличной. Самая настоящая кухня. И комната, в которой кроме кровати стоял еще совсем не продавленный диван. Молча поужинали сваренными Чебриковым пельменями. Лейтенант весь вечер косился на полковника, который о чем-то сосредоточенно думал. И только уже когда улеглись спать и потушили свет, Гуров подал голос с дивана, ворочаясь под непривычно тяжелым ватным одеялом:

– Володя, а кто до тебя тут участковым работал?

– До меня? Капитан Воронин, – ответил Чебриков и, помолчав некоторое время, добавил: – Он утонул тут по пьянке в карьере.

– Что за карьер? В котором кварц добывали?

– Да. Я особенно-то не расспрашивал, но место это видел. Там, собственно, несколько карьеров, некоторые соединяются. Сейчас во многих вода собралась: дожди, талые воды, грунтовые. Местами очень глубоко. Следствие было, признали, что он сам по пьянке в воду свалился.

– А ты как считаешь?

– Я же говорю, что не вникал особенно. Если честно, вы, может, мальчишеством посчитаете, товарищ полковник, но какое-то суеверное чувство присутствовало. Не то чтобы специально, но от местных я слышал, что пил Воронин сильно.

– А жил он, значит, здесь же? Где сейчас ты?

– Ну... да...

– Понятно, – тихо хмыкнул Гуров. – Покойники с синими рожами в окна по ночам не заглядывали?

– Не заглядывали, – огрызнулся лейтенант, и это Гурову понравилось. Наконец-то характер пробивается.

– Знаешь, Володя, – менторским тоном заговорил он, – ты сюда пришел полноправным представителем государственной власти. Все эти самоуправления, все это ерунда. Ты – это государство. И ты должен чувствовать и вести себя тут соответственно. Надо не слухам верить, а перепроверять и устанавливать точно – сам утонул участковый или мешал он кому. Следствие могли тоже, знаешь, провести «для галочки»! Ты должен быть уверен, что на твоем участке абсолютно «чисто».

– Хорошо, я займусь этим, – пробормотал лейтенант.

– Этим ты займешься чуть позже, когда я уеду. А завтра ты займешься другими, насущными проблемами – расследованием кражи телефонного кабеля. А для этого тебе нужно обязательно найти вашего техника-связиста. Затем тебе надо обязательно и очень аккуратно переговорить с вашими местными электриками. «Когти» – дело серьезное.

– А Калинин и есть наш электрик, – вздохнул Чебриков.

– Любопытно. – Гуров даже приподнялся на постели. – Связист – и он же электрик, и украден кабель из его хозяйства, причем с применением методов и снаряжения, которое есть здесь, по идее, только у него. Если, конечно, никто не украл эти «когти» как-то в прошлом году. Так получается?

– Думаете, что он украл кабель и пропил?

– Эх, Володя, а кому он мог пропить здесь? Если только с дрезиной переправил в рай-центр и железнодорожники там сдали кабель во вторсырье? Ищи, Володя, ищи! Себе кабель, мне связиста. Тебе преступление надо раскрывать, а мне выбираться отсюда.

– Хорошо... – отозвался Чебриков. – В смысле, слушаюсь.

Гуров замолчал, глядя в темный потолок. Звезд на небе за окном не было, уличных фонарей, если не изменяет память, Гуров видел штук шесть в центре да у железнодорожного депо четыре. Черная ночь. И ветер воет где-то в крыше. В трубу, что ли, задувает?..

– Доброе утро, товарищ полковник! Яичницу с колбасой будете? – Чебриков в теплых спортивных штанах с начесом и футболке стоял посреди комнаты и вытирал лицо и шею полотенцем. – Вставайте, пока все горячее.

– Доброе утро. – Гуров потянулся, чувствуя, что все тело сковало от неудобного дивана. – Слушай, давай ты меня будешь звать Лев Иванович, а не товарищ полковник.

– Как скажете, – пожал Чебриков крепкими плечами.

– Во-первых, – Гуров откинул одеяло и спустил ноги на коврик, тут же поджав пальцы на ледяном полу, – я у тебя не по службе, да и по службе я не очень люблю такую официальщину. А во-вторых, лучше никому в поселке не знать, что я тоже из полиции, тем более полковник из Москвы.

– Почему? – удивился участковый.

– Да так, – покрутил Лев в воздухе пальцами.

Он не стал рассказывать молодому лейтенанту, которого еще вчера перед сном стыдил за суеверие и насмешливо спросил, не мерещились ли ему заглядывающие в окна по ночам привидения, что сквозь сон видел в окне очертания человеческой головы. Как будто подошел кто-то, приложил руки к стеклу, пытаясь разглядеть, что происходит в комнате участкового, а потом тихо ушел. Хотя насчет «тихо» Гуров был не уверен. На улице был сильный ветер, там и хруст гравия под ногами неизвестного заглушило бы. Только вот был ли на самом деле этот неизвестный?

Гуров оделся, нацепил на ноги предложенные Чебриковым обрезанные по самые щиколотки старые валенки и отправился умываться. К его большому удивлению, у участкового имелся водонагреватель, и умываться можно было теплой водой. Пока он умывался, ему снова и снова вспоминалось ночное видение. В цепи событий, настоящих и прошлых, оно было закономерным. Если есть злоумышленники, если есть преступление, значит, и возвращение в поселок участкового уполномоченного с неизвестным мужчиной не должно остаться без внимания. Но вчера за ними никто не следил. И вряд ли есть в поселке человек, который имеет такие серьезные навыки ведения наружного наблюдения, чтобы Гуров с его опытом этого наблюдения не заметил бы. Зачем тогда заглядывать в окно? Ответ прост: не столько увидеть, сколько для того, чтобы послушать. Мужики же! Должны были выпить вечером перед сном после трудного дня. И неизвестный хотел убедиться, что все нормально, что мужики приехали и в первый же вечер выпили перед сном. А они, кстати, не пили.

– Володя, – позвал Гуров, – а тебя в поселке как считают – любителем выпить, трезвенником или чем-то посередине?

– Ну, не трезвенником, конечно, – раскладывая яичницу по тарелкам, ответил Чебриков, – но пить-то тут мне особенно не с кем, да и поводов кроме Нового года и собственного дня рождения не наскребешь.

– А предшественника, значит, считали, – тихо добавил Гуров, вытираясь чистым полотенцем, которое специально для него повесил хозяин.

За столом, энергично работая вилкой и ножом, он продолжил свой инструктаж.

– Ты мне, Володя, найди сапоги и брюки какие-нибудь не очень новые, чтобы в эти сапоги было не жалко заправлять да и на коленках елозить. Ты сегодня займешься своими делами, а

я... своими. Ты вот что, всем говори, что я из... ну, скажем, охотинспекции. Очень нейтральная должность.

– Так вас избегать начнут, – резонно заметил Чебриков.

– Не так, Володя, – поправил Гуров. – Поверив тебе на слово, у меня не будут спрашивать документы, а я смогу под этой личиной заводить пространные разговоры с кем угодно. Все будут думать, что я навожу справки про незаконную охоту и все такое прочее, и никто не догадается, что я полицейский.

Старые брюки у Чебрикова нашлись, но из сапог он мог предложить Гурову только болотные сапоги. В своей новой синей куртке и «болотниках» сыщик смотрелся немного странно, но, на его взгляд, как раз так, как нужно. Городской верх и «таежный» низ вполне соответствовали тому образу, который он себе придумал. Сапоги, правда, тяжеловаты, но можно потом купить в магазине на более сухую погоду кирзовые.

О сухой погоде, кирзовых сапогах и, главное, нормальных портянках Гуров стал думать уже через тридцать минут своего пути по болотам. Он шел вдоль столбов линии электропередачи, на которых был проложен и телефонный кабель. Ему попадались вполне сносные сухие участки, поросшие кустарником, потом они сменялись влажной почвой, где-то в траве под ногами чавкала вода, и ноги все время соскальзывали, норовя вывихнуть ступню.

Еще час пути, и взмокший сыщик стоял перед первым столбом, с которого сняли телефонный кабель. Он смотрел на перекусанный или перепиленный кабель наверху и прикидывал, за сколько времени один человек мог все это проделать. Во-первых, «кошки», как их называют дилетанты, у электриков называются «когти-лазы» или просто «лазы». Они бывают универсальные, а бывают специально сконструированные под каждое сечение столба. Здесь имеется ряд столбов с прямоугольным сечением. В поселке тоже. Значит, у местного электрика должны быть «когти» именно такого типа.

Второй момент, который Гурова очень интересовал, – а смог бы влезть на бетонный столб человек, не имеющий навыков пользования этими самыми «когтями-лазами»? Лев считал себя человеком не робкого десятка, довольно решительным, но даже он не полез бы. Значит, лазил снимать кабель человек с определенными навыками.

И последнее. Гуров прикинул толщину кабеля, его возможный вес, с учетом экранирования под изоляцией. Получалось, что срезанный 18-метровый кусок должен был весить что-то около двадцати, а то и больше килограммов. Срезать – половина дела, его еще нужно отсюда вывезти. Но следов колес или гусениц не видно, а они на такой почве остались бы обязательно. Значит, унесли на себе. Человека два-три могли смотать и унести срезанный кусок. Выходит, их было несколько.

Гуров обошел место преступления и только теперь обратил внимание на несколько сломанных кустиков. Они могли помешать в процессе сматывания. Но вот еще сломанный кустик, вон еще дальше один. И вообще, Лев понял, что шел сюда, держась правее столбов, совершенно напрасно. По другую сторону было ровнее и суше. Вот отсюда хорошо видно, что, сделав небольшой крюк метров в четыреста, можно было идти без хлюпания воды под ногой и соскальзывания с мокрых кочек.

Точно! Вот и следы волочения. Смотанный в круг кабель просто волокли по земле. Никто и не озадачивался сокрытием следов. Грубо срезали, грубо свернули и поволокли. Причем поволок человек, который хорошо знал эти места. Знал, где ровнее и суше. Гуров бы этого маршрута не нашел, если бы не задумался о способе транспортировки украденного кабеля. И сделанное им открытие наводило на следующий вывод – кабель мог украсть один человек. Тот же самый техник Калинин.

«Ну, что же, – бредя по следам волочения, думал сыщик. – Возможно, я и найду по следу, куда, примерно, утащили кабель. Найдем мы техника-связиста, заставим покаяться и восстановить связь. Я помогу Чебрикову раскрыть преступление, мы восстановим связь, пусть

временно, сообщим о несчастье, о том, что поселок оказался без транспортной связи с Большой землей, и тогда, наверное, найдется способ и мне отсюда побыстрее выбраться».

«Нет, – остановил он вдруг сам себя, – слишком я тороплюсь отсюда удрать. А ведь кто-то же должен был купить кабель у Калинина? Значит, есть сообщники, и они на этом не остановятся, раз взялись. Надо разгрести участковому все это болото в переносном смысле. Профилактику проводить, убеждать людей, что, если теперь случится нечто подобное, они первыми попадут под подозрение».

Гуров остановился и уселся передохнуть на большой камень. Ноги в резиновых сапогах с непривычки, да еще без портянок, устали неимоверно. В магазин надо, в магазин за удобной обувью. А Калинин в какой обуви был? Стоп! Гуров представил себе невысокого, как его описывал Чебриков, запойного техника. И этот человек волок тяжелый кабель? С его одышкой, вялостью, трясущимися ногами и руками? Хотя он мог отдыхать через каждые...

Только так не воруют! Воруют обычно обдуманно и быстро. Даже если никому нет дела, все равно есть опасность, что тебя кто-то выдаст. Увидит и сообщит участковому. На что расчет? Или без расчета, потому что пропилил все мозги? Бывает и такое, решил Гуров, вставая на ноги, но уверенности у него немного поубавилось.

Вот и каменистая поверхность. Здесь следов волочения не найти. Сдвинутые с места слезавшиеся камушки омыло дождем и... Хотя нет. Вот здесь снова видно, как волокли свернутый кабель. Хорошо он сгребал камушки за собой. Так, преступник двинулся в обход поселка. Железнодорожное депо осталось справа. Куда же он его тащил? В камнях спрятать, в кустах?

Гуров стоял на краю большого карьера, тянувшегося примерно с севера на юг метров на пятьсот. И сверху ему было хорошо видно, что это не один карьер, а целая цепь карьеров, то расширяющихся, то сужающихся. В большей их части на дне блестела вода. Наверное, здесь кабель и решили спрятать, обрадовался немного ошарашенный сыщик. В этих карьерах что угодно можно спрятать. А может, тут какие-то бытовки, сарайчики остались, могли спрятать и там. Да, разворотили землю-матушку тут основательно, думал Лев, спускаясь по дороге, по которой из карьера, видимо, вывозили породу. Пару раз умудрившись разглядеть следы волочения кабеля, он надеялся найти и сам тайник, если кабель просто не бросили в укромном месте карьера.

У самой воды ему пришлось остановиться. Дальше было не пройти, тем более со свернутым в кольцо тяжелым кабелем, влево похититель пойти мог, но тогда получалось бы, что он возвращался назад. Неужели не продумал заранее, где спрятать? Глупо! Или для пьяницы вполне подходящий по своей сумбурности поступок? Нет, это все-таки не он, пьяница не влез бы на столб, не осилил бы тянуть такую тяжесть.

Гуров вдруг замер. Он бросил последний взгляд вправо, собираясь обходить искусственное озерцо в карьере с левой стороны, и тут ему в глаза бросился небольшой камень, который ранее, видимо, торчал из рыхлого обломочного материала. И его сдвинули! Да, именно грубо, нечаянно, плюясь и матерясь от усталости, зацепили мотком кабеля и вывернули из щебня. Вот и еще сохранился вполне характерный след. Гуров покачал камень ногой, и тот легко поддался. Вывернуть его было несложно, а форма у него продолговатая, вот он след и оставил!

Гуров шумно выдохнул и осмотрелся по сторонам. Скверное местечко. Уединенное, тихое. И кто-то с большим трудом притащил сюда с не меньшим трудом снятый со столбов телефонный кабель и... утопил его в воде. Лев подобрал обломок доски на берегу и вошел в воду по колено. Наклонился, потыкал деревяшкой в воду, но до дна не достал. Значит, дно резко уходит вниз. Видимо, глубина тут может достигать до нескольких метров.

Из карьера Гуров выбирался с огромной осторожностью. Меньше всего он хотел, чтобы его кто-то увидел выходящим отсюда. Никто не должен даже догадываться, что он проследил судьбу украденного кабеля. Есть над чем поразмыслить, и совсем не стоит сейчас привлекать к себе внимание своими интересами.

Отходя от карьера на полкилометра вдоль леса, сыщик свернул, наконец, к поселку. Странная это была околица. Здесь почти не сохранилось жилых домов, хотя место очень удобное – и к лесу близко, и чуть на возвышении. Значит, сухо фундаментам и погребам. Правда, сейчас тут почти ничего не осталось, лишь захламленные квадраты и прямоугольники, подсказывающие, где стоял дом и двор. Конечно, хорошее бревно никто так не бросит, растащили со временем. И камень фундаментный растащили, и печной кирпич. Да, не стало хозяев, и разобранные дома пошли в дело. А вот ветхие домишки есть. И дымок из трубы вьется. Видимо, доживают свой век одинокие старики, которым и податься отсюда некуда, Чебриков о них рассказывал. Хорошо, хоть пенсию им сюда привозят, да и магазинчик еще теплится в поселке.

Кстати, магазин ему и нужен. Гуров подходил к одноэтажному кирпичному зданию. Не фанерный киоск, не временка, не строительная бытовка, наскоро переделанная в торговую точку. Вполне добротное здание под шиферной крышей, с зарешеченными окнами и солидной входной дверью. А еще с задней части здания явно слышался звук работающего компрессора. Значит, в магазине и холодильник для товаров есть.

Внутри было тепло, светло и чисто. С потолка большой торговый зал с Г-образным прилавком вдоль стен заливал свет люминесцентных ламп. Он отражался и в бутылках винной секции, и в чистых стеклянных крышках холодильных прилавков с колбасой, сырами... даже мороженым.

Мужчина в камуфляжной пятнистой куртке и таких же, как у Гурова, болотных сапогах оглянулся и равнодушно глянул на вошедшего. Серые глаза смотрели без выражения из-под надвинутой на лоб пятнистой камуфляжной кепки. Гурова это немного удивило. В любом другом месте, где жителей пересчитать по пальцам и где населенный пункт находится на задворках вселенной, каждый новый человек вызывает хотя бы интерес. Невозмутим, как индеец, подумал Лев, наверное, охотник, вон и зачехленное ружье. Молод, лет тридцать пять. Живет здесь или приехал поохотиться?

Пока он выбирал среди скудного ассортимента между сосисок и четырьмя видами колбасы, пышнотелая продавщица о чем-то тихо разговаривала с охотником. Понятное дело, подумал Гуров, спиной чувствуя, что на него смотрят, такие женщины без внимания не остаются нигде, даже в такой вот глухомани. Обязательно найдется кто-то из приезжих, кто начнет кружить голову местной лесной фее. А почему я сразу решил так, что он приезжий, да и неприязнь какая-то к нему возникла? Почему? Не знаю почему, но в разведку я бы с ним не пошел.

– А вы к нам с участковым приезжали? – вдруг спросила продавщица, когда Гуров определился с выбором на витрине.

– У вас тут не богато с пассажирским транспортом, – пожал плечами Лев. – Ваш Чебриков – не более чем оказия.

– А вы по каким к нам делам? – взвешивая колбасу, продолжала интересоваться женщина. – У нас тут чужих почти и не бывает. Не ездят к нам.

– Это я заметил, – ушел от прямого ответа Лев. – А позвольте примерить сапоги?

– Да, пожалуйста, – рассмеялась продавщица. – Хоть все перемерьте.

Гурову показалось, что охотник сделал женщине знак прекратить расспросы. Показалось ли? А ну-ка, проверим!

– Ну, как вы полагаете, молодой человек? – Гуров посмотрел на охотника, продемонстрировал свою ногу в юфтевом утепленном сапоге на толстой подошве. – Сойдет для здешних мест?

– А это смотря на сколько вы приехали, – облокотившись на прилавок, ответил охотник. – И как будете ухаживать за кожей.

– Вы, я смотрю, тоже не местный, – улыбнувшись, произнес Гуров.

– Да как сказать. – Охотник повернулся к продавщице, подмигнул ей, забросил на плечо чехол с ружьем. – Что есть родина? – И с этой философской фразой вышел из магазина.

Гуров внешне остался равнодушным к уходу мужчины и весь сосредоточился на сапогах, которые выбрал.

– Наверное, надо брать, – сказал он, подходя к прилавку. – В резине весь день ноги устают, а вода у вас не везде. Есть и сухие места, как я заметил.

– А вы вообще кто будете-то? – поинтересовалась продавщица, не скрывая своего любопытства.

– А я по линии охотничьей инспекции, – широко улыбнулся Гуров, проверяя ее реакцию. Беспокойства не последовало.

– Ружья у наших стариков проверять можно и в ботиночках. А если в лес пойдете, то надо по погоде судить. Да еще смотря куда пойдете. А сапоги такие у меня ребята с лесхоза брали, не жаловались. Только вы бы и материальчика на портяночки у меня взяли, дядечка. Много ходить будете, носков не напасетесь, да и ноги собьете. В армии-то служили, наматывать умеете?

Гуров вернулся домой первым и решил, порывшись по кастрюлям и холодильнику, приготовить обед. Через час явился Чебриков, приносиваясь к запаху супа с тушенкой.

– Хозяйничаете?

– Да вот решил тебя побаловать, – засмеялся Лев. – Чувствую, что твоя холостяцкая жизнь сильно бьет по твоему желудку. Ленишься готовить? Или сошлешься на занятость?

За обедом лейтенант докладывал о проделанной работе. Обошел он почти весь поселок, переговорил с парой десятков местных жителей.

– Короче, два дня Калинина уже никто не видел, Лев Иванович. Многие говорят, что дело обычное. Когда глава местного самоуправления Буняк уезжает, техник тут же срывается в запой. А при нем еще как-то держится.

– Значит, ничего необычного в его поведении нет. А где его искать?

– С этим беда. Есть пара-тройка мест, где он, как говорят, мог заночевать по пьяному делу. Но я обошел их все. Нет его нигде!

– Странные дела тут у вас творятся, Володя. Участковый пил запоем, связист тоже скатился. Может, в воздухе тут что-то такое есть, располагающее?

– А тут делать нечего, вот и пьют все, кому ни попадя.

– Участковому делать нечего? – искренне удивился Гуров. – Единственному на весь поселок технику-связисту и по совместительству электрику нечего делать? Это, извини, отговорка, чтобы оправдать нездоровую тягу к алкоголю. Или второй вариант – кому-то выгодно представлять дело таким образом, что люди здесь пьют все.

– А если так и есть?

– А не так, Володя, не так! Железнодорожники, с которыми мы разговаривали в депо, алкашами не выглядят. Они свою дрезину кинулись чинить, а не заливать горе водкой. Мужики, что в лесхозе работают, тоже не алкаши, они деньги зарабатывают. А овечья ферма в полукилometре отсюда, я ее сегодня видел издалека? А промысловики? Я в магазине сегодня охотника видел. Лицо инженера, между прочим. Хотя, может, он городской и приезжает сюда только на сезон.

– Высокий такой, в камуфляже? Это Захаров, наверное. Он сюда часто летом приезжает. А в этом году он еще и за Оксанкой из магазина ухлестывать начал.

– Ну, я так и понял, что он с ней заигрывал. Между прочим, с легендой этой твоей я мог и впросак пропасть. Зря не придумал другую. Я ведь, как инспектор охотнадзора, должен был проверить у этого Захарова документы на оружие, лицензию на отстрел... кого-нибудь. Наверное, какие-то запрещения имеются, а я в них – ни ухом ни рылом!

– Документы-то у него на ружье в порядке. Об этом вы, Лев Иванович, не беспокойтесь. А насчет лицензий даже не думайте, вы же его не с дичью встретили и не в лесу во время стрельбы по медведям. Между прочим, вы смело можете в рамках этой легенды оставаться. А я всем, если спрашивать станут, скажу, что вы так к своим обязанностям относитесь. Для «галочки» отчет напишете, а сами отдыхать будете. По нашим временам, вполне «прокатит».

– Ладно, это не самое главное и не самая большая проблема. Меня беспокоят две вещи, Володя! Первая – безусловно, исчезновение Калинина. Его надо найти, причем найти срочно. Второе – исчезновение кабеля. Понимаешь, у меня появилось подозрение, что кабель бросили в карьер, утопили в воде. Что это означает?

– Что он как кабель для дальнейшей эксплуатации непригоден, – пожал плечами Чебриков.

– Согласен. Но в нем до черта меди и, как мне кажется, свинца. Он же экранированный. Это, по моим прикидкам, 20–30 килограммов цветных металлов. Если кабель в воде, я успокоюсь. Все просто, все объяснимо. А вот если его там нет...

– Тогда что? – удивленно спросил участковый.

– Пока я не готов тебе ответить на этот вопрос, – откладывая вилку, произнес Лев. – Но мне видится, что причин кражи кабеля со столбов, при самой буйной фантазии, можно придумать только две: либо его украли с целью личной наживы, либо с целью повреждения связи.

– А кому и зачем нужно повреждать связь? – нахмурился участковый, которому, как понял сыщик, стало очень неуютно от такой мысли.

– Хрен их знает, – коротко ответил Гуров и встал из-за стола. – Это если тебе нужен емкий ответ по-русски. Другого пока нет. И давай-ка мы с тобой втихую провернем одну операцию. Нужна крепкая веревка, метров двадцать, я думаю, хватит. И нужна металлическая «кошка».

– Вы хотите проверить карьер? Забрасывать «кошку» в воду и тянуть?

– Правильно, – усмехнулся Лев. – Свернутый кабель – штука заметная, стальным крюком мы его быстро зацепим, а уж вдвоем как-нибудь на берег выволочем. А нет, так можно ведь и в воду залезть, руками пощупать, что мы там поймали.

– Я так понял, что, в случае чего, лезть мне, – улыбнулся участковый.

– Ну, ты помоложе, – развел руками сыщик.

– Веревка, кстати, у меня есть. Я пару недель назад мужикам ее давал машину из грязи вытаскивать. Крепкая веревка. И «кошку» можно в депо посмотреть. Сварить, в крайнем случае.

– Не стоит привлекать к нашим поискам слишком много внимания. Мы можем спугнуть преступника или преступников. Мы же не знаем, кто они.

– Тогда в карьере что-нибудь поищем. Там хлама всякого, в том числе и металлического, всегда полно было. Кстати, Лев Иванович, никто его оттуда не выгребает и в город везти не бросается. Это вам к вопросу о желании пропить кабель.

– Молодец, – вздохнул Гуров, – соображаешь. Хотя цветной металл и подороже, но и черного тут собрать можно на приличную сумму. А не собирают!

После обеда они отправились в карьер разными дорогами. Сыщик прятал под курткой моток веревки, Чебриков засунул в задний карман форменных брюк пассатижи. Минут через тридцать хаотичного передвижения по поселку и проверок на возможного наблюдателя, Гуров спустился, наконец, в нужную часть карьера. Он, когда сегодня выходил отсюда, видел какие-то железки среди камней и решил этим воспользоваться.

Чебриков появился через пять минут. Он шел почти неслышно, за что сыщик его мысленно похвалил.

– Ну, нашли чего-нибудь? – шепотом спросил лейтенант.

– А что ты шепчешь? Нас легче увидеть, чем услышать. Вот смотри, три прутка из толстой проволоки, ржавые, но, думаю, выдержат. Главное, чтобы у нас сил хватило согнуть их.

– Дайте я. – Чебриков взял у Гурова один прут, подошел к почти отвесному участку стены карьера.

Подходящая щель нашлась быстро, примерно на уровне пояса. Чебриков забил прутком камнем наполовину, а потом всем телом навалился, сгибая металл, который без труда поддался. Через несколько минут три лапы «кошки» связали проволокой на конце веревки. Гуров подошел к воде и показал Чебрикову камень, который, по его мнению, был сдвинут, и место, где, по его предположению, в воду бросили свернутый кабель.

– По пояс тут зайти можно. Я в «болотниках» заходил по колено и мерил глубину дальше палкой. Если вдвоем, то можно раскачать и забросить. А если один... Черт его знает, может, он с надувной лодкой сюда приходил кабель прятать. Знаю, что глупости говорю, но пока версий у меня нет. Давай ловить нашу «рыбку»!

Участковый отошел в сторону и уселся на камень. Гуров размотал в воздухе свое «орудие» и забросил «кошку» метров на десять в воду. Коротко булькнуло, и по темной поверхности пошли круги. Сыщик начал вытягивать веревку, но ничего интересного «лапы» не зацепили.

– И пришел невод с одной травой морской, – продекламировал со своего камня Чебриков.

– Гляди, какие участковые нынче начитанные пошли, – проворчал Лев, выбирая веревку и снова разматывая ее для броска. – Думаешь, бестолковое дело затеяли? Так для того, чтобы это понять, нужно сначала сделать, а потом уж по результатам судить. – И крюк снова полетел в воду, теперь уже правее.

– Вы зря с места на место переходите, – вдруг посоветовал Чебриков. – Вы с одного места сектор за сектором обследуйте, потом можно сместиться метров на пять, и снова по секторам.

– Хм, умный совет, – чуть подумав, согласился Лев. – Так, сюда я бросал, теперь вот сюда.

Крюки на конце веревки взвились в воздух и улетели с коротким бульканьем в воду. Гуров снова потащил на себя веревку, и, когда показался крюк, Чебриков вдруг мгновенно соскочил со своего камня и подошел к сыщику:

– Что это?

На одном из трех крюков болталась мокрая тряпка. Гуров подошел к воде, присел рядом с крюком на корточки, снял обрывок ткани и повертел в руках. Ткань синтепоновая, курточная. Лев расправил ее на ладони и увидел кусок ромбовидной нашивки. Из букв, сохранившихся на куске, можно было прочесть только: «...мпания УРАЛ-СЕВЕР».

– Что это? – спросил он задумчиво, повернувшись к Чебрикову. – Тебе это о чем-то говорит?

– «УРАЛ-СЕВЕР» – это местный провайдер телекоммуникационных систем, – тихо ответил тот. – Интернет, цифровое телевидение, телефонная связь...

– Смесовая ткань. Из такой куртки шьют спецодежду верхнюю, непромокаемую, например, для связистов. У кого в вашем поселке могла быть такая куртка, а?

– Значит, он там? – кивнул на воду Чебриков.

– Думаю, да, – вздохнул Гуров, поднимаясь с корточек и отряхивая руки. – Удивительное постоянство прятать трупы в одном и том же месте, не находишь? И кабель где-то здесь. Почему?

– Самое глубокое место, например, – предположил участковый. – А в тайге и я бы прятать не стал. В поселке достаточно охотников, которые легко по следам найдут что угодно. Да и с собаками кое-кто ходит на зверя. Тело могли найти просто случайно. А в карьер никто не ходит, тут ведь даже ребяташек нет.

Глава 3

Чебриков проявил завидную энергию и красноречие, которые Гурова приятно удивили. Может, лейтенант просто не имел еще настоящего дела, не раскрывал настоящего преступления, а тут подвернулся случай, и все то, зачем он пошел служить в полицию, выплеснулось в нем наружу. Вот она, романтика, вот настоящие преступники. Не нравилось Гурову только то, что гибель человека как-то не вызвала в молодом участковом соответствующих чувств. Может, он просто храбрится и не показывает их? Это присуще молодости, молодые часто почему-то стесняются проявлять настоящие чувства, считают это признаком слабости.

Гуров везде ходил с Чебриковым, изображая, как они и договорились, человека, не имеющего отношения к полиции. В железнодорожном депо шестеро мужчин возились с ремонтом старенького полувагона. За исключением здоровяка Бори Плетнева, все они были пенсионерами. Здесь же стояла мотодрезина, которую безуспешно пытались починить седовласый машинист Рыбников и его помощник, лопухий весельчак Лешка Штыков.

– Ну что? – Чебриков подошел к старому машинисту, когда тот спустился на бетонный пол и уселся на лавку, вытирая руки ветошью.

– А ничего, – пожал плечами Рыбников. – Поршневая износилась. Ну, клапана еще. Клапана мы переберем,отрегулируем, а вот колечки... Я послал Лешку, может, найдет.

– Поршневые кольца? – удивился Гуров. – Здесь, в поселке?

– Ребята, вы что, думаете, что на этой старушке двигатель от самолета стоит? – рассмеялся машинист. – Это старенький, еще 72-го года движок МТ-10. Мотоцикл «Днепр» помните? Вот такой же, 32-сильный, четырехтактный. В поселке кое у кого еще остались мотоциклы, ржавеют по сараям. Может, и «Днепры» были.

– А вон и Леха, – пробасил с платформы Плетнев. – Кажись, пустой.

Штыков, что-то усердно жуя, перепрыгнул через смотровую яму и подошел к мужчинам. Осмотрел всех веселыми глазами и заявил голосом, полным оптимизма:

– Не-а, Александр Васильевич! Из «Днепров» тут один только в наличии. И тот стоит с распотрошенным движком, там даже поршней нет. Два «ижака» ржавеют, одна «два», вот и все. Там диаметры не совпадают.

– Это да, – кивнул Рыбников и посмотрел на участкового: – Вот и все, лейтенант! На сем ремонт окончен. Без посторонней помощи и без запасных частей ничего мы не сделаем. Ежели кто только на базар сбегает по-молодецки.

– Александр Васильевич, – посмотрел на возвышающуюся на платформе богатырскую фигуру Плетнева участковый, – отдайте мне на сегодня Лешку и Бориса. Помощь нужна молодых крепких ребят.

– Бракенеров, что ли, ловить? – поинтересовался Рыбников, пристально глянув на Гурова. – Это вы зря затеяли. Не стоит народ обижать. Их тут государство и так бросило выживать, как кто сможет, да вы еще террор начнете – для вас копеечный, а для них жизненный.

– Нет, – ответил Гуров, поняв, что старик имеет в виду его мифическую должность. – Это не по линии охотнадзора. Я тут тоже выступаю как добровольный помощник вашего участкового. Есть основания полагать, что в карьере в затопленной части находится тело вашего техника-связиста Калинина.

– Даже так? – Рыбников перестал вытирать руки и покачал головой. – Значит, полагаете, утоп по пьянке Сергей Сергеич? Чего их всех туда сразу тянет, как напьются...

– Вы кого еще имеете в виду? – тут же спросил Гуров. – Бывшего участкового Воронина?

– Его. И его тоже в карьере нашли, в воде.

– Так в чистом поле-то не умирают, там простудиться можно, проспаться и домой вернуться. А вот в воде тонут. А ближайшая вода у нас в карьере и есть. Чего же удивляться?

Эта простая и логичная речь могла разрядить обстановку. Хотя сам сыщик случайностью нахождения в течение одного месяца двух утопленников в одном карьере не считал. Но пусть другие считают это случайностью, как и старый машинист. Пусть преступники думают, что полиция тоже так считает. Ведь закрыли дело о гибели участкового Воронина.

Рыбников своего помощника отпустил с участковым без всяких разговоров. Бригадир ремонтников помялся, но тоже отпустил Плетнева. Гуров предложил сделать нечто вроде багра для облегчения поисков в мутной воде. Лешка тут же вызвался изготовить, воспользовавшись сваркой, а Плетнев попросил разрешения сбегать домой и надеть болотные сапоги. Мало ли! В воде искать, где и поглубже зайти понадобится. Участковый бросил взгляд на Гурова и разрешил, попросив парня поторопиться.

Плетнев появился минут через пятнадцать, когда Гуров, Чебриков и Штыков подходили к карьере. И не один. Гуров мысленно ругнулся, но ничего поделывать было уже нельзя, придется вводить в курс дела еще двоих. Причем этим двоим сыщик не особенно доверял. На грунтовой дороге вместе с Борей их поджидали Игорь Захаров и еще один мужчина, примерно его лет.

– Во, лейтенант, – показал рукой на новичков довольный Плетнев, – сосватал нам в помощь. А то че мы там вчетвером будем колупаться? Ребята крепкие.

– Игорь, – представился охотник, улыбнувшись почему-то Гурову. – А это мой одноклассник, Паша Бочкин. Вот, погостить приехал. И тоже из-за дрезины застрял.

Бочкин молча пожал всем руки, и они с Захаровым двинулись к карьере первыми. Гуров незаметно поймал участкового за рукав и чуть придержал его, пропуская всех вперед себя. Они пошли замыкающими. Чебриков непонимающе глянул на сыщика, но промолчал. Гуров шел и смотрел на вновь прибывших. Эти двое уверенно двигались именно к тому месту спуска в карьер, куда бы всех повел и Чебриков. Спустившись, Захаров и Бочкин свернули не налево, а направо, как раз к тому месту, где, по мнению Гурова, и лежало на дне тело. Случайность или они наверняка знали, где спрятан труп Калинина?

– Ну, вот здесь, – обвел рукой затопленный участок Чебриков, когда они втроем, вооруженные самодельным багром на длинном, почти трехметровом шесте, спустились в карьер. – Я думаю, что вшестером мы справимся. Особенно если у нас есть такая силища, как Боря.

– Вот что, мужики! – Гуров решил понемногу брать руководство операцией в свои руки. – Какие тут глубины, никто из вас не знает, лазить по горло в воде – погода и время года не те. Я предлагаю сейчас разойтись по карьере и среди всякого хлама поискать бревна и доски, которые сохранились получше. Может, нам удастся сделать что-то вроде плота.

Никто не возражал. Тем более что участковый, который в этом деле был для всех старшим, тоже загорелся идеей поискать, из чего сделать плот. Группа рассыпалась по карьере. Кто-то бродил вдоль воды, кто-то полез вверх по склону. Край карьера был очень неоднороден – весь изрытый ковшами экскаваторов, несколько лет испытывавший на себе оползни; тут работали и бульдозеры, сгребавшие породу. Больше всего пейзаж напоминал кадры из фантастических фильмов о последствиях ядерной катастрофы, уничтожившей окружающий мир.

Гуров улучил минуту и догнал Плетнева, переворачивающего листы прогнившего металла, истлевшие бревна, оставшиеся от какого-то временного строения.

– Боря, слушай, а где ты этих двоих встретил? Они к карьере шли?

– Кого? Пашку с этим... с охотником? Не-а, я их у магазина встретил. Смотрю, мужики вроде крепкие, да и без дела слоняются. Они там с продавщицей, с Оксанкой, болтали. Я рассказал им о наших поисках и позвал помочь.

– И они сразу согласились?

– Не то чтобы сразу. Этот, который с ружьем, тут же загорелся и стал Пашку подкалывать. Оксанка испугалась, когда я сказал, что мы, похоже, в воде связиста нашего нашли, рот зажала, а потом стала обоих гнать... ну, на помощь нам. Мужики вы, говорит, или не мужики. Они и пошли со мной.

– Значит, Пашка не хотел идти? – на всякий случай уточнил Гуров, делая вид, что внимательно рассматривает различный строительный хлам вокруг.

– Не горел желанием, – кивнул Боря. – А чего вы спрашиваете? Пашку, что ли, знаете?

– Нет, откуда? – пожал плечами сыщик. – Просто так расспрашиваю. Вижу, что один кинулся помогать людям, а второй как на каторгу попал.

– Не, Пашка мужик нормальный, – возразил Плетнев. – Я его, правда, толком не знаю. Он тут второй день как с почтальоншей на дрезине приехал. Но по разговорам, чувствуется, деловой. Я видел, как он тетку свою с дрезины снимал, как ее сумку почтальонскую до поселка пер.

– Лев Иванович! – раздалось снизу, почти от самой воды. – Смотрите, что мы нашли! Идите сюда.

Не ответив Плетневу, Гуров бросился на голос, принадлежавший железнодорожнику Лешке Штыкову. Шустрый парень, если в самом деле нашел что-то важное. Хорошо бы, рядом с ним никого не было или был бы именно Чебриков. Информации мало, и лучше, чтобы она вообще не выходила из круга посвященных. А круг этот что-то стал очень интенсивно расширяться.

Гуров еще не видел Штыкова, но уже слышал, как кто-то ругнулся на него и предложил швырять камни поосторожнее. Потом раздался голос участкового, но что он говорил, Лев не разобрал. Когда ему удалось спуститься на берег, он увидел, что четверо членов его поисковой группы столпились неподалеку у пологой стенки нижней террасы карьера. Леша Штыков активно вытаскивал какие-то камни и отбрасывал в сторону. Он явно что-то откапывал.

– Что нашли? – постарался как можно спокойнее спросить Лев.

Он уже увидел, что это несколько не очень толстых бревен, сантиметров двадцать или двадцать пять в диаметре. Сверху – настил из редких неаккуратных досок, явно собранных здесь же и прикрученных на скорую руку ржавой проволокой, которой в карьере тоже было достаточно в разном виде и в разном количестве. Это был плот. Небольшой, примерно полтора метра на полтора, но вполне способный выдержать пару человек.

– Во, смотрите, – обращаясь к участковому, стал рассказывать Лешка. – Иду, вижу, тут земля обвалилась немного, как будто сначала завалило, а потом она осела. Короче, угол торчит! Смотрю, и бревнышки приличные, а потом, гляжу, тут и досочки. Это же прямо плот какой-то? Или поддон самодельный, чтобы погрузчиком...

Пока Лешка с энтузиазмом рассказывал, как он нашел плот, Гуров рассматривал склон. Закопать этот небольшой плот можно было без особого труда. Например, лопатой на длинном черенке разворошить слежавшийся грунт выше плота, и если он «пойдет», то его вполне хватит на то, чтобы завалить плот. Да, несколько раз лопатой ковырнул вон там повыше... А вон, кажется, и в самом деле след лопаты. Спокойно, сыщик, спокойно, уговаривал себя Гуров, не смотри так пристально на этот след.

Лешка вместе с Борей Плетневым взялись с двух сторон и довольно легко вытащили плотик из земли и бросили у ног членов поисковой группы. Доски, примотанные не очень плотно к бревнам, задрожали, но проволока их удержала, и плот не развалился. Пожалуй, подумал Лев, и один человек, если он не дистрофик, смог бы этот плот спустить на воду и вытащить на берег. А потом подтащить к стенке и с помощью лопаты привалить его землей. Почему не разобрал совсем? Почему не ликвидировал его как улику?

Хотя какая улика, улика чего? Еще не факт, что на дне труп, не факт, что его спускали в воду с помощью вот этого плота, не факт, что его изготовил преступник. Нельзя торопиться! Когда все красиво и гладко складывается с самого начала, потом быстро рушится. Редко первая же версия оказывается правильной, редко бывает в расследовании преступления все ясно с самого начала. А тут еще не установлен факт преступления.

– А что, хорошая находка! – продемонстрировал энтузиазм Гуров. – Может, и правда, нам поможет эта конструкция как плот.

Он схватил плот за одну сторону, приподнял и, пятась назад, попытался подтащить его к воде. Концы бревен легко скользили по земле и мелкому каменному крошеву. Ничего не стоило справиться с этим плотом одному. Установлено.

– Вы чего уродуетесь в одиночку? – подхватили вторую сторону плота Лешка и Чебриков.

Зайдя в воду по колено, они втроем опустили плот. Конструкция держалась на плаву уверенно. Гуров взобрался на нее с ногами. Нормально, вода даже не поднялась до настила из досок, значит, плот выдержит запросто и еще одного человека. Или бездыханное тело, которое на нем можно отвезти подальше от берега и опустить в воду...

Только теперь Лев заметил два темных пятна на краю плота, как будто от пролитой жидкости. Он нащупал в кармане складной нож. Надо бы срезать немного древесины, пропитанной этой жидкостью, которую рано еще называть кровью, но на него сейчас глазают четверо, кому не следует знать, что он что-то заметил и берет образец.

– Слушайте, а ведь нужен еще какой-то шест, чтобы управлять плотом. Если я багром зацеплю тело, то чем-то придется еще и отталкиваться от дна. Посмотрите вокруг, может, какой-то шест метра в три найдется, – попросил сыщик.

Помощники разбрелись по берегу, а Гуров незаметно вытащил нож, раскрыл его, потом прыгнул с плота в воду, с таким расчетом, чтобы на некоторое время оказаться спиной к ним и попытаться отбуксировать плот поближе. Обратил ли кто внимание на его маневр, он не знал, но думал, что манипуляции с ножом остались незамеченными. Вдруг Лев заметил еще одну улику, которую не видел, стоя в полный рост. Совсем маленький обрывок темной ткани, зацепившийся за край расщепленной доски. Если тело лежало на плоту, а потом его просто свалили в воду через край, это мог быть обрывок куртки убитого. Нельзя оставлять его тут, надо сравнить с материалом куртки, если найдется тело, или с тем обрывком материала, который они выудили из-под воды самодельной «кошкой». Через несколько секунд две продолговатых щепки были срезаны и спрятаны в карман куртки. Туда же отправился и сложенный нож вместе с маленьким клочком ткани.

– Ну, кто полегче? – взобравшись на плот, спросил Гуров, увидев своих помощников, возвращавшихся с тонким стволом молодой осинки приличной длины. – Лешка, ты тут самый худой. Залезай ко мне. Я буду искать, а ты плотом управлять.

Мужики на берегу расселись на камнях и закурили. Плот плавно пошел от берега, управляемый шестом и самодельным багром Гурова.

– Вот здесь, Леша, тормози, – велел сыщик, когда ему показалось, что они отплыли от берега на нужное расстояние.

Штыков уперся своим шестом в дно, шест выгнулся, но плот сразу остановился. Гуров велел держать шест упертым в дно и таким образом держать плот, а сам, присев на корточки, вытянул багор и опустил его в воду. Тяжелый наконечник с крюком сразу ушел ко дну. Он тут же почувствовал, что металл ударился о камень, но все равно потянул багор на себя. Пусто, не считая пары легких зацепов за мелкие камни. Где-то здесь – он хорошо помнил, что именно сюда и забрасывал «кошку». Интересно, а почему никто из присутствующих не спрашивает, как участковый узнал о теле под водой?

Прочесав багром дно вокруг плота, Лев убедился, что в этом месте тела на дне нет. Теперь надо принять правильное решение. Вправо сместиться, или влево, или все же чуть дальше? Он глянул в сторону берега на своих помощников. Чебриков, внимательно следовавший за ним, сделал какой-то знак. Вправо? Ну, может, ему оттуда и виднее. Эх, не было в прошлый раз возможности сделать и забросить какой-нибудь буюк, сейчас было бы проще. А может, и нет. Заметил бы преступник буюк и... все поняв, пришел бы ночью и вытащил тело. Может, он так и сделал. Только на чем? На надувной лодке? А есть в поселке надувные лодки?

И тут Гурову пришла в голову простая мысль. Если он точно встал с плотом на то место, где, по его предположению, должно было находиться тело, он его и не мог зацепить багром, потому что тело было под плотом.

– Ну-ка, Леша, сдвинь нас на пару метров вправо!

Штыков послушно уперся в дно шестом, и плот поплыл в нужную сторону. Лев не стал ждать, когда он остановится, снова вытянул багор параллельно воде и опустил его. Багор ушел в глубину и лег на грунт. Лев потянул его вдоль дна и тут же почувствовал, что крюк за что-то мягко зацепился. Да, точно. Если багор потянуть, то это что-то мягкое поддавалось, хотя и было тяжелым. Именно так и ведет себя тело человека на дне. Гурову приходилось еще в молодости, еще в лейтенантские годы, выуживать подобным образом трупы из-под воды. И не только трупы, но и фрагменты. И способы для этого были разные, включая сеть с крючками.

– Что-то есть! – крикнул он сидящим на берегу.

Чебриков первым вскочил на ноги и бросился к воде. Гуров мысленно отругал его за такую поспешность. А если в их поисковой группе находится один преступник? А если у него сейчас не выдержат нервы и он бросится бежать? Пока повернешься назад, пока сообразишь. Черт, надо было участкового проинструктировать на этот счет! Нет, никто не бросился бежать, все с заинтересованными лицами подошли к срезу воды.

– Леша, – позвал Гуров своего помощника, – я буду багром держать, а ты попробуй сдвинуть с места плот в сторону берега.

Штыков уперся ногами в плот, навалился на шест и чуть сдвинул плот с места. Шест изогнулся, и сыщик испугался, что он просто сломается.

– Стоп, Леша, давай не так! Ты упрись шестом в дно, только не рядом с плотом, а подальше от него. Постарайся, чтобы твой шест входил в воду под острым углом, вот так.

Он показал рукой, как следует упереться, потом снова взялся за багор. И стал тянуть наверх то, что зацепилось за него. Это нечто поддалось. Лешка, повинувшись команде, снова стал упираться шестом в дно. Плот, который сразу накренился, когда Гуров стал поднимать находку, принял угрожающее положение, но «экипаж» уперся ногами в доски и держал равновесие. Борьба с непослушным, норовящим перевернуться плотом продолжалась минут пятнадцать. До тех пор, пока он не подошел к берегу на расстояние пары метров.

Игорь Захаров передал свое зачехленное ружье Бочкину, подтянул высокие голенища болотных сапог и подвязал к поясному ремню за петли. Войдя в воду, он осторожно двинулся к плоту, проверяя, как увеличивается глубина. Ему оставалось преодолеть едва ли метр, но дальше дно уходило резко вниз.

– Лев Иванович! – крикнул Захаров. – Вы опустите немного то, что подцепили, а ты, Леша, быстро мне шест протяни!

Гуров тут же оценил сообразительность охотника. Он чуть опустил свою находку, не ослабевая и не давая ей соскользнуть с крюка. А Штыков, перехватывая свой шест руками, развернулся и протянул его Захарову. Охотник ухватился за мокрый конец руками, развернулся к плоту спиной, зажав шест под мышкой, и, наклонившись вперед, начал медленно тянуть плот за собой. Гуров, убедившись, что Захаров держит шест надежно, стал приподнимать свою находку со дна. Плот пошел быстрее. Когда вода стала Захарову ниже колен, вся группа бросилась к плоту и потянула его к берегу.

В напряженном молчании все замерли, следя, как Гуров и Захаров медленно выводят на берег то, что зацепил багор. Вот на поверхности мелькнул локоть в темно-синей куртке, потом голова, облепленная мокрыми волосами, потом носок сапога. Темная масса была уже у поверхности воды. Еще немного усилий, и по мелким камушкам на берегу зашелестело мокрое тело в большой куртке и резиновых сапогах. Багор зацепил куртку за нижний край со спины трупа, и теперь все увидели надпись «УРАЛ-СЕВЕР». Именно в этой куртке ходил связист Калинин, обслуживающий автоматическую телефонную станцию.

– Ну, иди, участковый, – позвал Гуров Чебрикова, – осматривай, делай выводы. Вон сколько понятых у тебя.

Сам Гуров уже давно сделал вывод, что человек утонул не сам. Точнее, что причиной смерти было не «утопление в воде», как пишут в актах экспертизы. Когда человек плывет, а потом вдруг теряет сознание или по другой причине опускается ниже поверхности и тонет, захлебнувшись в воде, руки утопленника остаются в определенном положении – они чуть согнуты в локтях и выставлены перед собой. У Калинина руки были вытянуты вдоль тела. Умер он на берегу, это точно. Но отчего?

– Что это? – Чебриков показал пальцем на два пореза на куртке в области грудной клетки.

– Да, действительно, ощущение, что это ножевые ранения, – произнес Гуров. – Надо куртку расстегнуть. Мне приходилось несколько раз участвовать в поисках погибших охотников и осмотре вместе с полицией тел, – пояснил он для тех, у кого могли возникнуть вопросы или сомнения на его счет.

Чебриков мужественно стал расстегивать пуговицы, а потом потянул вниз молнию на куртке, и сразу стали видны два аналогичных, похожих на ножевые проколы отверстия на шерстяной клетчатой рубашке. Ткань вокруг проколов была явно темнее. Гуров не стал ждать действий Чебрикова и сам быстро расстегнул рубашку. Под ней была серого цвета майка с точно такими же отверстиями. Пришлось задирать и ее, чтобы увидеть две колотые раны на груди. Опыт подсказывал Гурову, что оба ранения были смертельными.

– Ну? – вопросительно посмотрел он на Чебрикова. – Что у вас еще принято делать? Писать от руки протокол? Бумага в планшете есть? И карманы, наверное, положено осматривать? Нет?

– Да, – кивнул лейтенант. – Может, вы осмотрите карманы, а я пока начну протокол писать.

Первое, что Гуров обнаружил в карманах куртки, были камни. На глазах изумленных помощников он вытаскивал их и складывал в кучу. Получилось, в общей сложности, около десяти килограммов, как он подсчитал на глаз. Вполне достаточно, чтобы труп не всплыл в спокойной воде без течения.

Еще в карманах куртки нашлись раскисшие сигареты «Тройка», обыкновенная дешевая зажигалка, две десятикопеечные монеты и небольшие монтерские пассатижи с изолированными ручками. Пока Чебриков писал, Гуров поднялся на ноги и незаметно стал осматривать резиновые сапоги Калинина. Не новые, это точно. Подошвы местами стертые, потертости на обоих сапогах с внутренней стороны в области щиколоток. Но это, скорее всего, дефекты, связанные с индивидуальной походкой. А вот по столбам в монтерских «когтях-лазах» он не забирался. Следы бы остались на резине. А если только один раз? И аккуратно? Надо вскрывать с понятными и его квартиру, и помещение телефонной станции. Искать надо эти «когти». Если они не обнаружатся, то это даст ответы на многие вопросы. А если их не было совсем? Ну, не выдавали ему их со склада в его компании. Он по совместительству электрик, значит, на столбы ему лазить пришлось бы обязательно. Вон сколько домов, и все дома подключены «нитками» к линии электропередачи, тянущейся вдоль улицы. Черт, должны были у него быть «когти»! И именно для бетонных столбов квадратного сечения. Такие стоят и в поселке, такие уходят от местной подстанции вдоль железной дороги в сторону райцентра.

– А что с телом делать будем? – спросил Захаров, сидя на камне и перематывая портянки.

– Тело нужно спрятать в холодном месте, – пожал Гуров плечами и раздраженно посмотрел на промолчавшего лейтенанта. – Наверное, у них в полиции будут проводить вскрытие, и тело нужно сохранить. Так, Чебриков?

– Да, – согласился участковый. – Но вот куда прятать? У нас холодильник только в магазине.

– И оставить поселок без продуктов, – хмыкнул Захаров, натягивая сапог. – Труп и молоко с маслом в одной холодильной камере?

– Нет, этого делать, конечно, нельзя, – вставил Гуров. – Слушайте, а у вас тут в заброшенных домах, может, погреба есть?

– Точно, – одобрительно улыбнулся охотник. – Ледник! Уж, во всяком случае, там температура ниже десяти градусов, даже если погребом и не пользовались несколько лет. Тут до вечной мерзлоты рукой подать.

Гуров знал, что ледниками в народе называли погреба, в которые еще с ранней весны складывали лед, вырубленный на реке. И потом весь год на этом льду, пересыпанном опилками, хранились любые продукты.

– Тогда нужна машина, – предложил сыщик.

– Дольше бегаем и ищем, – с сомнением проговорил Захаров. – Смотрите, тело уже темнеть начало. Надо нести.

– Может, ты еще предложишь его на спину взвалить? – вдруг раздраженно вставил Бочкин.

– Какой ты нервный, Паша, – усмехнулся охотник. – Рано тебе жениться с такими нервами. Не знаешь, как из подручных средств носилки сделать? Я научу.

Через несколько минут, стянув с трупа сапоги и сняв с багра стальной крюк, два имеющих шеста проделали в одежду погибшего, не снимая ее. В каждую штанину вдоль ноги, потом под расстегнутые брюки, дальше шесты пропустили под рубашку и куртку, прорезав в плечах два отверстия. Вчетвером подняв эти импровизированные носилки, мужчины двинулись к поселку.

Около леса, побродив по развалинам старых домов, Чебриков и Захаров первыми нашли подходящий погреб. Приподняв две старые тяжелые створки, которые располагались почти горизонтально земле, они увидели кирпичные ступени, ведущие вниз. На глубине двух метров была еще одна дверь, теперь уже вертикальная. Поборов сопротивление заржавевших петель, мужчины все же открыли ее. Изнутри пахло холодом и запахом подгнивших овощей. Тело сняли с шестов и осторожно спустили в погреб, уложив посередине на полу. Выходя из погреба, Гуров показал участковому на сохранившиеся ушки для навесного замка на двери и косяке. Тот кивнул, а когда все поднялись на поверхность, Чебриков оставил Гурова караулить тело, а сам отправился в магазин покупать замок. Остальных он поблагодарил и отпустил по домам, взяв обещание держать язык за зубами. Особенно насчет причин смерти Калинина.

Гуров сидел на кухне у Чебрикова и рассматривал три обрывка ткани под светом настольной лампы. Один кусок он подобрал, когда они проделывали дырки в куртке Калинина для транспортировки тела. Второй кусок был снят с крюка самодельной «кошки», которую они забрасывали в воду в поисках кабеля. Третий, самый маленький кусок был снят с отщепленного края доски плота.

– Я уверен, что вот этот самый маленький клочок тоже от куртки Калинина, – сказал Лев после тщательного осмотра. – Сказать можно было бы с большей уверенностью, если бы у нас был микроскоп. У тебя, Володя, нет случайно микроскопа? В нашем безнадежном положении он мог бы существенно помочь.

– Положение еще безнадежнее, чем вы думаете, – вздохнул участковый. – Микроскопа нет даже в нашей начальной школе.

– Ты тут уже искал микроскоп? – удивился Гуров. – Зачем?

– Да не искал. Просто так получилось, что, когда я принимал участок и знакомился со всеми, включая и руководство школы, учительница, она же и директор, пожаловалась, что оснащение у нее на полном нуле. Нет самого необходимого. Из района она получала только мел для доски. Даже тряпки для мытья полов приходилось выпрашивать у местного населе-

ния. Лампочки ей, по доброте душевной, железнодорожники привозили, а швабры, лопаты и другой инструмент для ухода за территорией школы из лесхоза давали. Тоже даром.

– Жалко, микроскоп нам бы помог еще в одном деле. Слушай, а перекись водорода у тебя есть?

– Вы порезались? – спросил Чебриков, поднялся со стула и пошел к холодильнику. Вернувшись, он поставил перед сыщиком белый матовый пластиковый пузырек.

– Нет, дружок. – Гуров вытащил из кармана две щепки от плота и разложил их на столе. – Понимаешь, если бы у тебя был микроскоп, мы бы могли сделать соскоб с этих вот темных пятен на щепках, потом положить их под покрывное стеклышко микроскопа и ввести туда небольшое количество перекиси водорода. Если бы в исследуемом материале присутствовала кровь, то в микроскоп мы могли бы наблюдать образование пузырьков. Это происходит по причине освобождения кислорода. Это очень широко распространенная и быстрая реакция из секретов экспертов-криминалистов. Запомни. Мы же с тобой попробуем просто полить на пятна перекисью. Если там достаточно крови, то, возможно, мы увидим небольшое количество пены и невооруженным глазом.

– Лев Иванович, вы хотите проверить, не кровь ли это? – спросил вдруг долго молчавший Чебриков. Гуров посмотрел на участкового и увидел, что тот хитро улыбается.

– Так я же тебе битый час толкую, – начал было он, но лейтенант вдруг встал и ушел в комнату. Вернулся он с прямоугольным предметом, снабженным линзами и подсветкой. Это был стандартный ультрафиолетовый облучатель.

– Держите, достал у нас в УВД по случаю. Думал, сможет когда-нибудь пригодиться. Вот и пригодился.

– Ну, ты молодец, – похвалил Лев. – Значит, готовился к работе в автономном режиме?

Такие приборы использовали эксперты для предварительных анализов на наличие крови. Чаще на одежде, на предметах, на полу. При рассмотрении подозрительного пятна в ультрафиолетовых лучах, которые испускает прибор, кровь выглядит вполне однозначно, в соответствии с разработанной и тщательно расписанной методикой. Если пятно оказывается пятном крови, то вид оно будет иметь темно-коричневый, немного бархатистый. Ценность этой методики заключается и в том, что она определяет наличие крови даже после наступления процессов ее старения, когда содержащийся в крови гемоглобин под воздействием различных внешних факторов переходит в пигмент, называемый «гематопорфирин», дающий в ультрафиолетовых лучах яркое оранжево-красное свечение.

– Чья это кровь, мы с тобой пока не знаем, – откладывая в сторону щепки, сказал Гуров, – этим криминалисты займутся. А для нас важно, что это косвенная улика, подтверждающая, что плотом могли воспользоваться для сокрытия в воде тела Калинина.

– Но нам это даже не дает намёка на личность преступника, – пожал плечами Чебриков.

– На личности, Володя, на личности. Их было как минимум двое.

– Вы вышли на карьер по следу благодаря тому, что кабель волокли по земле. Вдвоем его могли бы нести и не оставлять следов. Или кабель сняли не те преступники?

– Очень важный вопрос ты сейчас задал, – согласился Гуров. – Имеет ли отношение кража кабеля к смерти Калинина? Если не имеет, то кабель украли из корыстных соображений. Если имеет, то его сняли для того, чтобы оставить поселок без связи.

– Тогда получается, что те же злоумышленники и дрезину вывели из строя?

– Боюсь, что это совпадение, как и дожди в верховьях вашей реки, которая снесла мост за нашей спиной. И это меня пугает больше всего. Если дрезина была бы еще на ходу, с ней мог уехать кто-то, кто поставил бы в известность внешний мир о творящихся здесь преступлениях. И тут же прилетел бы вертолет с омоном и оперативно-следственной группой. Значит, цель, которой пытаются добиться преступники, легко достижима, и достигнут они ее вот-вот.

Возможно, что мы с тобой им помешали. Ладно, делаем себе в голове заметку уточнить насчет дрезины.

– И все-таки, Лев Иванович, я не понял, почему вы настаиваете, что преступников было двое? Вы же и один тот плот смогли волочить.

– Волочить – да! Но не более, – возразил Гуров. – С такой конструкцией сложно сделать что-то быстро. А когда прячешь труп, всегда стоит торопиться, ведь один посторонний взгляд – и все полетит к черту. Видишь, твоего предшественника убил один человек, но у него не было ни сил, ни времени спрятать тело в воде. А Калинина убили тоже в карьере. Если бы его убили в другом месте, то кровь не попала бы на плот. А она попала. Значит, еще не успела свернуться. Плот был готов, Калинина заманили в карьер, ударили два раза ножом, причем точно в сердце, набили карманы камнями, спустили на воду плот, положили тело и, отойдя от берега метров на десять, просто свалили его в воду.

– Вопрос! Кому и чем помешал одинокий пьющий связист в глухом поселке? Тем, кто захотел украсть и пропить кабель?

– Тем, кто хотел украсть и пропить кабель, достаточно было напоить Калинина, чтобы без помех совершить кражу. Нет, Володя, Калинина убили не алкаши. Он чем-то помешал более серьезным людям, как и твой предшественник капитан Воронин. Воронин был опытным полицейским, мог что-то заподозрить, что-то узнать, увидеть. И его убрали. А вот с Калининым сложнее. Но я думаю, что отгадка на поверхности. Преступники хотели оставить поселок без связи, а для этого им надо было взобраться с помощью монтерских «когтей» на бетонные столбы. «Когти» были только у Калинина, и никто не должен был узнать, что кто-то их у него просил или просто взял. Вот теперь он никому об этом уже не расскажет.

– Лев Иванович! – покачал головой участковый. – Нас учили теории мотива в преступлении, я помню. Но убить человека, а потом так сложно спрятать труп из-за монтерских «когтей»?

– Ты не понял, Володя. Убили его как свидетеля, потому что он общался с преступниками и мог про них рассказать, останься в живых. А сложно прятали тело для того, чтобы все думали, что кабель мог украсть и он, чтобы пропить. Это у нас в уголовном розыске называется «бросать камни по кустам». Насчет мотива ты прав. Это и пугает. Так запросто убивать могут только из-за очень важного дела, из-за очень серьезной причины. Очень серьезной, Володя! И мы ее пока не знаем.

– Но тогда... – Участковый немного замялся, но потом продолжил: – Тогда мы с вами обязательно со своей активной деятельностью попали в поле зрения преступников. И если причина в самом деле так важна, как вы настаиваете, то и мы в большой опасности.

– А у меня и оружия нет. Я ехал в командировку без пистолета, – развел сыщик руками.

– И что же нам делать? Попросить у кого-то из местных ружье?

– Нет, Володя. Ружье нас не спасет. Да и пистолет не особенно. Нас спасет еще более активная деятельность. И распространение информации пусть в узком, но вполне надежном кругу помощников. Не станут же преступники убивать всех шестерых, кто сегодня доставал тело в карьере.

– А если преступники были среди нас? Или хотя бы один из них?

– И это возможно. Боря Плетнев – здоровый парень, которому тут ничего не светит в плане обеспеченного будущего. Мог ввязаться в криминал за обещанные материальные блага. Штыков Лешка – железнодорожник, мог как раз быть связью у преступников с внешним миром, мог быть тем человеком, который отсюда должен что-то вывезти или сюда привезти. Что-то очень ценное или очень важное, из-за чего тут стали наворачивать трупы. А еще этот молчаливый Паша Бочкин, который неизвестно зачем вдруг сюда приехал. Игорь Захаров, который все время бродит с ружьем. Поохотиться приехал? Никому из них я не верю. Даже тебе можно перестать доверять.

– Мне? – опешил Чебриков.

– Тебе, – засмеялся Лев. – У тебя самая уязвимая позиция. Участкового напоили и утопили, инсценируя несчастный случай. А все потому, что он что-то узнал. Но ведь вместо одного пришлют другого. Опять убивать? Или организовать приезд «своего» человека? Но ты с себя все подозрения снял, предложив мне выбраться в Пермь этим путем. А ведь ты знал, что я полковник полиции, опытный оперативник из Москвы. Собственно, так и получилось, что я тут ниточку преступления ухватил.

– Может, все-таки смерть Воронина в эту схему не попадает? Может, просто совпадение?

– Может, – вздохнул Лев. – Твоими бы устами да мед пить. Но если она связана со смертью Калинина, то все очень и очень плохо в вашем поселке. И мы с тобой тут как в западне, ходим вдвоем по одной тоненькой жердочке. И бросать нам расследования нельзя, присяга не велит и честь офицера полиции. И кабель нам надо искать, потому что он в этой схеме. И очень много думать и много разговаривать с местным населением.

Глава 4

Идея походить по поселку и побеседовать с местными жителями была не особенно оригинальная. По сути – это обычный подворный обход. Разница только в том, что здесь и сейчас Гурову нельзя было расспрашивать напрямую по интересующим его вопросам. Кто мог украсть кабель, с кем дружил и пил связист, кто ему мог угрожать, видели его в день смерти или нет, видели ли человека с мотком кабеля, и за что могли убить прежнего участкового. Много разных вопросов можно было бы задать. Но нельзя. Да, пропал связист, вот про него можно спрашивать, про кабель можно. И... все! Остальное – опыт, умение мыслить логически и читать между слов, произнесенных кем-то из жителей. Пока что у Гурова было единственное преимущество, хоть какая-то существенная фора перед преступниками – они не знали, что он полицейский, матерый оперативник. И надо сделать все, чтобы они это поняли как можно позже!

Чебриков тоже сейчас ходил по поселку. За тот небольшой промежуток времени, что начал тут работать, он так и не успел познакомиться с большей частью населения. Вот тебе и первый повод походить по дворам, порасспрашивать о соседях. И второй повод – приближение холодов. Начинают топить печи, нужно инструктировать, предупреждать о мерах безопасности. Заодно и о рухнувшем мосте предупредить не мешало. Мол, власти все известно, все под контролем, и скоро мост починят. Не стоит говорить, что надо строить новый мост, что чинить там уже нечего.

Первым Гуров остановил вежливым вопросом старика с тачкой, нагруженной старым очищенным кирпичом. Вопрос простой – где тут можно позвонить в город? А то приехал, а мобильная связь не действует. Чего приехал, кто таков? Из охотинспекции, по поводу браконьеров, слишком участились случаи отстрела без лицензий. Старик с удовольствием порассуждал на тему браконьерства, но очень умело ушел от рассуждений о соблюдении законов своими соседями и знакомыми. А про связь он и не слышал. Да и кому звонить-то?

Две женщины, торопившиеся в магазин, сразу обрушились на незнакомца с информацией, что связи нет и теперь долго не будет, потому что какие-то «такие-сякие» телефонные провода срезали и в город отвезли на металлолом. И куда только участковый смотрит! Да и предыдущий был пропойцей! А нынешний участковый еще молодой, с народом разговаривать не умеет. И связист пьет по-страшному. Что по электрической части починить, так не найдешь сразу-то и не дозовешься. Хороший мужик Калинин, да вот беда – все у него на дне бутылки.

Повезло Гурову где-то через полтора часа, когда он остановился у деревянного дома, который явно совсем недавно был обложен кирпичом. И крыша сверкала профильным железом взамен старого позеленевшего шифера, сложенного стопочкой возле ворот. Простой деревянный забор стоял вокруг дома еще с прошлого века, если судить по его состоянию. Да и вообще в этом поселке никто особенно не увлекался отсечением себя от окружающего мира. И этот невысокий забор сквозь широкие щели между почерневшими от времени досками открывал двор всем желающим его лицезреть. Типичный двор после затяжных ремонтных работ. Неухоженный, захламленный.

Мужчина лет пятидесяти на корточках очищал кирпич от глины. Видимо, внутри переделывалась еще и печка. Гуров посмотрел на изоляторы, укрепленные под крышей дома на аккуратно окрашенных стальных кронштейнах, и идея завести разговор родилась в голове сама собой.

– Здорово, хозяин! – приветливо произнес он, облокотившись на забор.

– Здорово, коль не шутишь, – отозвался мужчина, мельком глянув на незнакомца.

– Слушай, ты электрика не видел? – самым невинным тоном спросил Гуров. – Сварочный аппарат надо подключить, а я его нигде найти не могу.

– Сергеича, что ли? Да его трудно найти. Он же у нас один на все руки. Или позвал кто по электрике помочь, а может, на линии связь чинит. Говорят, кабель, что ли, телефонный порвали. Ни один телефон в поселке не работает.

– А ты сам-то его давно видел?

– Да дня четыре, как он у меня тут был. Вон, к линии электропередачи подключал.

– На столб, что ли, лазил?

– Ну, говорю же, – удивленно повторил мужчина и кивнул на два изолированных провода, что шли из-под крыши дома к столбу.

– А у него «когти»-то есть? А то у меня там тоже надо лезть на столб.

– А как же без них, ему часто приходится лазить.

– Ладно, пойду искать, – развел руками Лев и двинулся дальше вдоль улицы, похлопав по пути рукой бетонный бок столба.

Вот так! Четыре дня назад Калинин был жив и здоров. И даже лазил вот на этот столб. И лазил он, естественно, в «когтях». Они у него есть. Вопрос теперь в том, он снимал кабель за пределами поселка со столбов или другой человек, воспользовавшийся его снаряжением. Надо тщательно осмотреть помещение и инвентарь у Калинина. Сегодня же. И с максимальной секретностью. Кого вот только в понятия взять? Кому можно верить больше?

Проходя мимо библиотеки, Гуров остановился, обратив внимание, что на двери нет замка. Как тут все по-простому. Большая часть дверей запирается на навесные замки. Как в прошлом веке. Замер поселок еще в том времени. И уклад тут старый. Люди много видят, многое замечают из того, чего даже молодой участковый может не заметить. И потому, что молодой, и потому, что его по привычке держат на дистанции. Надо быть до такой степени своим, чтобы с тобой как с отцом родным делились всем насущным. А информация нужна объективная. Ведь пора определяться в том, кому можно верить, а кому нет.

Ну, можно считать, что с этой красивой дамой, которая заведует библиотекой, они знакомы. Удивительно, что такая эффектная женщина давно тут живет. Но сейчас это Гурову было на руку. По крайней мере, его визит в библиотеку не будет выглядеть странным.

Легко избежав по скрипучим ступеням, он открыл дверь и через большой тамбур попал в типичную деревенскую библиотеку, какими он их помнил еще со времен своей лейтенантской молодости.

– Это вы? – раздался вдруг за спиной чуть взволнованный женский голос. – Вы ко мне?

Гуров повернулся и увидел Веронику Андреевну в светло-синем халате, выходящую из-за стеллажей с несколькими книжками, прижатыми к груди.

– Здравствуйте, Вероника Андреевна! Как вы тут поживаете?

– Как видите, – грустно улыбнулась женщина, – запустение во всем. Учебный год начнется, и ко мне начнут приходить за сказками малыши. Правда, и малышей здесь осталось едва на один класс начальной школы. А из взрослых ко мне ходят единицы. Была бы молодежь, так те приходили бы потому, что в нашей местности не берет Интернет. Но и молодежи в поселке практически нет.

– И библиотеку до сих пор не закрыли? – удивился Гуров. – Памятник вашему начальству надо поставить, что они ее еще держат на балансе. Подозреваю, что в основном это ваша личная заслуга. Вы уговариваете не закрывать?

– А у меня корыстная цель! Где я буду тут еще работать, если закроют библиотеку? Да что же это я... проходите, Лев Иванович! Сейчас я вас чаем угощу, а то на улице сегодня холодновато.

– Буду только рад, – согласился Гуров.

Вероника Андреевна усадила гостя в глубокое старое кресло за стойкой возле своего рабочего стола. Журнальный столик был накрыт красивой вязаной салфеткой. Из шкафчика появился вполне современный электрический чайник, оттуда же были извлечены два симпа-

тичных бокальчика, вазочки с печеньем и с сахаром. Гуров невольно ощутил спокойствие, исходившее от этой обстановки.

– Хорошо тут у вас, – осматриваясь по сторонам, тихо сказал он. – Знаете, как в детстве. У нас тоже была библиотека с читальным залом.

– Вы романтик, – улыбнулась женщина, усаживаясь напротив и разливая чай по бокалам, – и добрый человек, раз умеете ощутить эту ауру книжного мира. Вы любите читать? Кто ваш любимый автор? Наверное, Конан Дойл?

– Нет, не угадали, – покачал головой Лев. – Я вообще затрудняюсь сказать, кто мой любимый автор. Знаете, все по настроению. То одного хочется почитать, то другого. А чаще, знаете, чего больше всего хочется? Спать! Я ведь по профессии полицейский.

– Полицейский? – не то удивилась, не то обрадовалась Вероника Андреевна. – Я чувствовала, что вы в душе хороший психолог. Помните, что вы сказали, когда подали мне руку на ступеньках?

– Я? – замялся Гуров. Он абсолютно не помнил, что тогда брякнул. Кажется, повинуюсь минутному порыву, назвал Веронику Андреевну сударыней. – Да ничего особенного я тогда не сказал.

– Вот в этом вы весь, – улыбнулась женщина. – Для вас это обыденное дело, в этом ваша душа. Удивительно, мне кажется, что я с вами знакома так давно, что... и вы уже сидели у меня здесь и так же пили чай...

– Знаете, Вероника Андреевна, я пришел поговорить с вами о местных жителях, – решил Лев идти напролом, правда, с максимальной осторожностью. – При всей вашей ко мне симпатии, я рассчитываю на понимание того, что не стоит пока никому рассказывать о моей профессии. Пусть это останется тайной, хорошо?

– Боже, как романтично! – засмеялась она. – А что вы расследуете?

– Факт умышленного повреждения оборудования связи в вашем поселке, – замысловато сформулировал сыщик. – В частности, кражу телефонного кабеля.

Частично Гурову удалось повернуть разговор в серьезное деловое русло. Женщина не испугалась, не стала рассуждать, что в поселке действует мафия, но и не махнула рукой, мол, всюду и всегда крали и будут красть, а откровенно стала подыгрывать сыщику, пытаясь со всей своей наивностью рассуждать на тему краж как социального явления.

– Давайте не будем гадать, не имея на руках веских улик, – предложил Гуров. – Ясно, что кабель не сам спрыгнул со столбов и ушел по своим делам. Расскажите мне лучше о жителях вашего поселка.

– А что... жители как жители, такие же, как и по всей российской глубинке. Звезд с неба не хватают, мирно и честно трудятся, каждый на своем месте. Бизнес, знаете ли, он не для всех, не каждый может развернуться на пустом месте, увидев перспективу наживы там, где другой пройдет мимо.

– Скажите, а что вы знаете о продавщице вашего магазина Оксане Полупановой? – перебил ее Лев.

– Ну, она вам не интересна, типичная продавщица. Смазливая, мужики вокруг нее крутятся.

– А кто конкретно возле нее крутится?

– Игорь Захаров, например. Я их видела вместе неоднократно.

– Возле магазина или он к ней и домой заходит? Серьезные отношения?

– Не может у таких женщин быть серьезных отношений. Они норовят с каждым, кто улыбнется... флиртовать.

– Почему же? А вдруг у них любовь?

– Когда любовь, Лев Иванович, – тихо произнесла женщина, – то смотрят совсем иначе.

Через пару минут выяснилось, что Оксана Полупанова и Игорь Захаров были одноклассниками. Они заканчивали среднюю школу здесь, в поселке, когда он еще кипел жизнью и когда здесь еще была средняя школа, то есть семнадцать лет назад. Вероника Андреевна как раз первый год работала в библиотеке и знала всех старшекласников, которые бегали к ней за книгами. И Оксану она помнила, и Игоря. И даже Пашу Бочкина, который в школьные годы был в Оксану влюблен. Только ребята все разлетелись, а Оксана, говорят, неудачно вышла замуж, пропадала где-то лет пять, потом вернулась к матери в поселок и стала работать в магазинчике. Так вот и работает по сей день, незамужняя и бездетная.

Гуров задумался. Новость была интересная. Она многое объясняла и в положении дел, и в поведении кое-кого. Например, Захаров не зря трется возле магазина, из бывших одноклассниц у него здесь только Оксана и есть. И какое-то напряжение между Бочкиным и Захаровым можно объяснить тем, что Бочкин ревнует Оксану к Захарову. И Захаров, приезжающий сюда охотиться почти каждое лето, вполне может ухаживать за Оксаной и безуспешно звать ее замуж. Странно, что безуспешно, учитывая, что всем им уже сильно за тридцать и особенно выбирать не приходится.

– Видите, Лев Иванович, как жизнь складывается, – неожиданно снова заговорила Вероника Андреевна, – кто-то из глуши в город уезжает и не уживается там, возвращается к себе в деревню. А я вот из большого города сюда попала и застряла тут. В глуши. Одна, никому не нужная, всеми забытая.

– Так вы не местная? – удивился Гуров.

– Не-ет, – немного демонстративно и даже чуть с обидой в голосе ответила она. – Я думала, что вы догадались. Ах, как вы невнимательны! Конечно же, я не уроженка этих мест. Я родом из Питера.

Женщина снова замолчала, и Гуров понял, что больше ничего интересного для себя не узнает. Надо вежливо попрощаться и уходить. Он поднялся, поблагодарил Веронику Андреевну за гостеприимство и поспешно покинул библиотеку.

Уже стемнело, когда Гуров и Чебриков возвращались домой. Магазин оказался закрытым, и мужчины решили, что обойдутся сегодня тем, что есть в холодильнике. Не поднимать же продавщицу и тащить по темноте в магазин.

– Пойдемте напрямик, – предложил участковый, показав Гурову узкий проход между заборами двух домов, который образовался из-за того, что здесь проходила линия электропередачи.

– Кто это там? – остановился вдруг Лев и показал рукой в темноту, где возле заборчика дома стоял человек, почти сливаясь со стволом старого дерева.

– Прячется кто-то. – Участковый тоже остановился и пригляделся. – Вообще-то тут воров, как мне сказали, давно не водилось. Друг у друга не воруют.

– Ну, знаешь, – тихо напомнил сыщик, – тебе одного кабеля мало? И трупа тоже мало? Если не двух, учитывая твоего предшественника. Я бы не стал на твоём месте так беспечно относиться к притаившимся в темноте людям на вверенной тебе территории. Чей это дом, знаешь?

– Оксаны Полупановой. Только это не Захаров. Захаров вроде повыше.

– Захаров, если и где-то здесь, то, наверное, в ее постели, – проворчал Лев. – А это может быть и Отелло. Давай-ка, Володя, ты зайди со спины и оклики его, а я возьму правее. Если бросится бежать, я его перехвачу. В нашем деле главное – профилактика преступлений, – хмыкнул он.

Тихо ступая по каменистой поверхности, Гуров и Чебриков разошлись в разные стороны, пользуясь тем, что в этой части улицы не было освещения, а окна домов, завешенные плотными портьерами, давали мало света.

– Кто здесь? – услышал Лев голос участкового. – Ты чего тут прячешься, ну-ка подойди!

Гуров напрягся, но человек повернулся на голос вполне спокойно и не сделал никаких попыток скрыться. Он шагнул навстречу Чебрикову, и теперь сыщик его узнал. Это был Павел Бочкин. Одет он был, как специально, во все черное: черные резиновые сапоги, черные джинсы, черная стеганая фуфайка, которая была ему маловата, и капюшон спортивного свитера, натянутый на голову, тоже был черного цвета.

– Я не прячусь... я так просто, – спокойно ответил Бочкин и повернулся на шаги за своей спиной. – А вы что вдвоем в темноте ходите? Это вы, Лев Иванович?

– Я, – ответил Гуров подходя. А потом спросил напрямик: – А ты что, за Оксаной следишь?

– Почему обязательно слежу? – недовольно ответил Бочкин. – Просто шел мимо, увидел, что в окне свет, остановился, думал, может, увижу. Чего в этом предосудительного? Типа, по окнам за бабами подглядываю?

– Да вы люди взрослые, – пожал плечами Лев, – можете делать все, что хотите. Ты как завтра утром, занят?

– А что?

– Да вот Чебриков опять просит помочь, народ собирает. Дело не трудное и не грязное. Ты, я смотрю, свою куртку снял, в фуфайку переоделся. Маловата она тебе.

– Это тети Ани фуфайка. Я у нее с теткой остановился.

– У знакомой, значит, – кивнул Чебриков и вдруг спросил, попытавшись в темноте посмотреть Бочкину в глаза: – Слушай, Павел, а ты почему на Оксане не женился после школы? Вы же в одном классе учились, да? Говорят, любовь у вас с ней была...

– Очень интересная тема для темной улицы в полночь, – проворчал Бочкин. – И кто же вам рассказал такое? Явно не Оксана.

– Ну, почему же? – неопределенно ответил Гуров.

– Потому же! – огрызнулся Бочкин. – Если это не допрос, то я пойду.

– Да, конечно. – Лев в темноте дернул за рукав участкового, чтобы тот молчал. – Это не допрос, Паша. Просто поселок маленький, все про всех все знают. Мы хотели только поговорить по душам. Видим, что ты под ее окнами маешься. Ладно, не хочешь – не будем об этом. Так ты завтра придешь? Очень нужна твоя помощь.

– Да... приду, – раздалось из темноты вместе с затихающими шагами.

Гуров постоял немного, прислушиваясь к ночным звукам, потом повернулся к Чебрикову:

– Ты, Володя, в самом деле, не очень удачное место и время выбрал для таких расспросов. Завтра бы и вспомнил, что мы его тут видели. Сидели бы где-нибудь на камнях, отдыхали, самое время в душу лезть человеку, когда вместе в одной грязи возились, одни камни двигали. Учти на будущее, что вопросы хороши каждый в свое время. Отсюда и ответы. Сейчас ты получил недовольное бурчание, а завтра мог бы получить усталое глубокомысленное признание, что все бабы дуры, а любовь такая штука, что готов все простить и одной ей подарить свою жизнь.

– Я понял, – вздохнул участковый. – Поторопился. Не терпится иногда...

Гуров вошел в железнодорожное депо, удивившись царящей здесь тишине. Одиноко стояла дрезина у самых въездных ворот. В глубине темнела масса пригнанного на ремонт полувагона. Не искрила сварка, не визжали «болгарки», молчала пилорама.

– Кого тут принесло? – раздался вдруг чей-то голос, и из бытовки вышел седовласый железнодорожник Рыбников. – А, охотничий инспектор!

– Здравствуйте, Александр Васильевич, – поприветствовал его Гуров. – Что это у вас сегодня тут такая тишина?

– Да у ребят вон проблемы со светом, – кивнул в сторону вагона Рыбников. – А без Калинина трудновато. То ли плавкие вставки полетели, то ли еще чего.

– А вы со своим двигателем так и не разобрались?

– Чего с ним разбираться, когда и так все ясно. Сколько ни мучилась, а померла.

– Александр Васильевич, вот вы столько лет работаете на железной дороге, на дрезине этой, наверное, намотали много километров. Скажите, а разве так бывает, что оба цилиндра вышли из строя одновременно? Это у шестеренок зубья стачиваются равномерно, и то бывает, что откалываются.

– Соображаешь, инспектор, – усмехнулся железнодорожник в седые усы. – А тебе виноватый обязательно нужен? Или это тебя новый участковый прислал разузнать?

– Давайте выйдем на свет, – предложил Гуров. – Я вам сейчас все объясню.

Рыбников молча двинулся к воротам. Остановился возле створки, где солнечные лучи освещали промасленные шпалы, рельсы депо. Небо сегодня было на редкость ясным, и даже ветер поутих с утра. Лев вытащил из кармана служебное удостоверение и, протянув раскрытым Рыбникову, произнес:

– Вот такие дела, Александр Васильевич. Попал я к вам сюда случайно и застрял. А тут вот, как назло, такие дела начались. Лейтенант еще неопытный, многого не видит.

– А вы, значит, как полковник, увидели, – констатировал железнодорожник, возвращая удостоверение. – И что, правда, что Калинина сначала убили, а потом уже в воду бросили?

– Правда, Александр Васильевич. Но меня беспокоит другое: как-то слишком явно совпало, что убили связиста, сняли со столба восемнадцать метров телефонного кабеля, чтобы связь нельзя было восстановить, деревянный мост, рухнувший из-за напора воды, и ваша дрезина, которая очень некстати сломалась. Не слишком ли много совпадений, которые совпадениями назвать сложно, потому что все они имеют одно очень важное для всех нас последствие – лишить временно связи с внешним миром.

– И мост, значит?

– Не могу сказать, что его подпилили или каким-то иным способом повредили, чтобы он от малейшего напора свалился в реку, но факт остается фактом. С мостом могло быть совпадение. С вашей дрезиной тоже.

– Если бы только масло не кончилось по непонятной причине. И если бы мотор дрезины не отмахал сто восемьдесят километров без масла, а может, и триста шестьдесят. Чистый бензин оказался, а положено смешивать с маслом. Может, вместо моторного масла влили в него какую-то ерунду, вот поршни и погорели.

– А посмотреть можно на емкость, из которой это масло наливали в бензин?

– Пропала та банка, – тихо ответил Рыбников. – Я первым делом хотел проверить. По запаху и то понятно было, что это масло или скипидар какой-нибудь. А наливал, если спросишь, Лешка Штыков. При мне наливал. Но ты на него не грехи, полковник. Он налил то, что я велел. То, что всегда наливал, и из той банки, из которой всегда наливал.

– А что за банка-то?

– Это мы ее так называем. Железная четырехгранная канистра с дудочкой. Мы ее заправленной всегда держали, она как раз на бак заправки рассчитана.

– Заправлялись бензином когда?

– Когда из райцентра выехали, так нам и подвезли на запасном пути.

– Значит, почтальонша уже была с вами? И ее племянник Бочкин тоже?

– Вы думаете, что он вылил масло и заправил нашу банку какой-то ерундой? – Железнодорожник внимательно посмотрел на сыщика. – Когда ему успеть-то? Хотя... Ну, вам следствие вести, а я напраслину на людей наводить не привык. Разбирайтесь. Только дрезина мертво на приколе стоит.

Гуров решил как можно дольше сохранить в тайне факт обыска служебных и личного помещения погибшего техника-связиста поселка. И в понятие ему пришлось брать людей, которые были не в курсе их розысков в карьере. Не хотелось и привлекать совсем уж посторонних людей, которые могут разнести информацию о событиях по всему поселку. Причем, как обычно водится, с новыми красками, событиями и выдуманскими фактами. С таким подходом недалеко и до паники.

Сыщику и самому было не по себе, когда он начинал думать, что все события были четко кем-то спланированы и осуществлены. Наверняка многое было лишь простым совпадением. А если нет? Тогда он просто не мог придумать конечной цели всего происходящего. Они тут что, государственный переворот замыслили? Или собираются встречать десант инопланетных захватчиков и готовят плацдарм? Кому нужен этот брошенный всеми поселок?

Был один вариант, который укладывался во все логические рамки. Это, например, попытка кого-то спрятаться тут вдали от людей и власти. И, прежде всего, от полиции. Хорошо, правильно, никакой связи. Но Гуров не видел в местных ориентировках сообщений о побегах из мест заключений, о розыске особо опасных преступников, о совершенных особо тяжких преступлениях, за которые бы разыскивали кого-то так масштабно, чтобы приходилось преступникам блокировать целый поселок. Да и проявили бы они себя. А тут действовал кто-то местный. Зачем ему это? Круг подозрений мысленно сужался и сужался, и никакие вооруженные банды в него не вписывались.

– Пришли? – Гуров улыбнулся двум женщинам, подошедшим к двери поселковой телефонной станции. Одной была секретарша главы местного самоуправления Надюха, как ее звал Чебриков, второй – бухгалтер Зинаида Ивановна, толстая неповоротливая женщина, но зато все понимающая с полуслова, когда дело касается порядка, контроля и учета. – Значит, так, участковый нам сейчас еще раз объяснит порядок проводимого мероприятия и его цель.

Чебриков как будто очнулся, поправил на голове форменную кепку и заговорил:

– Значит, вскрываем помещения запасными ключами, которые принесла Зинаида Ивановна, предварительно составив акт их извлечения из опечатанной коробки. Мы потом все там распишемся. В помещении понятия, это Надежда и Зинаида Ивановна, ходят все время за мной и Львом Ивановичем и смотрят, что мы делаем. В случае, если найдем что-то важное или интересное, мы это складываем в одном месте, а потом составляем документ, которым все это изымаем. Потом, соответственно, запираем помещения и опечатываем.

Когда они вчетвером вошли в большой коридор, Гуров сразу запер входную дверь на задвижку. Это было очень удачно, что она тут имелась. Удачно, что и Калинин жил в пристройке к этому зданию в небольшой казенной комнатухе. И вход из пристройки был как раз в этот же коридор.

Сначала они внимательно осмотрели жилище погибшего техника. Женщины сразу наморщили носы, когда дверь открылась. Спертый воздух, пропитанный мужским потом, грязным бельем, протухшими консервами. Холодильник был почему-то отключен от сети, и на подоконнике бурно обрастали плесенью две вскрытые консервные банки и половина буханки хлеба.

Гуров и Чебриков осмотрели всю одежду Калинина, залезли в каждый карман. Потом настала очередь небольшого шкафа и письменного старомодного стола. Никаких записок или предметов, наводивших на мысль о причинах его убийства, не нашли. Точнее, не нашли вообще ничего. Один электрический «пробник» на столе, кстати, сломанный. Две клипсы для соединения проводов. Да в столе в самом дальнем конце выдвинутого ящика закаменевший от времени маленький рулон синей изоляционной ленты. Все остальное – грязное белье, грязная одежда, грязная посуда.

Следующим вскрыли помещение телефонной станции. Гуров обнаружил отличное современное цифровое оборудование. Один шкафчик висел на стене, второй, побольше, стоял

на полу, на небольшом столике – компьютер. Здесь было удивительно чисто, и здесь вообще ничего больше не было. Ни листка бумаги, ни гвоздика, ни рваного тапочка. Да, оборудование Калинин содержал в исключительном состоянии, и пьянство ему в этом не мешало. Гуров предложил всем удалиться отсюда, не топтать ногами и не пылить.

Оставалась так называемая мастерская. Отперев ее, полицейские вместе с женщинами оказались в небольшой прямоугольной комнате с одним грязным окном в дальнем конце. Окно забрано неотпирающейся решеткой, так что снаружи попасть сюда можно только через дверь.

Справа от двери стоял маленький и до невозможности грязный холодильник «Саратов-2М». Кстати, работающий. Гуров открыл дверку и увидел лишь одну наполовину опустошенную бутылку портвейна. Обе стены мастерской были заняты открытыми стеллажами. Куски проводов, старые щитки, несколько почти новых УЗО и много-много разобранного и не совсем разобранного электрооборудования. Счетчики, рубильник, электрошкафы. Отдельно лежали инструменты. Тут были и разложенные, те, которыми он пользовался в мастерской, и чемоданчик с набором электроинструментов – три разной мощности паяльника, две дрели, три шуруповерта... И никакого следа «когтей-лазов».

Гуров вернулся к входу, где в углу напротив холодильника под вешалкой стояли рабочие ботинки и кирзовые сапоги. На вешалке спецовка, старая стеганка. Гуров взял в руки ботинки, потом так же внимательно осмотрел сапоги.

– Володя, посмотри, – позвал он.

Чебриков присел рядом на корточки, женщины с любопытством заглядывали через головы мужчин. Гуров провел пальцем по поперечной полосе на правом ботинке на уровне пальцев ноги. Такой же след, только заметнее, был на правом сапоге. Внутренние части обуви на обеих парах обуви были стерты примерно в одних и тех же местах, примерно на уровне плюсневой кости пальца.

– Что это? – спросил участковый.

– Это, Володя, следы от «когтей». В этой обуви он лазил по столбам. Видишь, стираются в первую очередь вот эти места, потому что там все железное. Он ведь зацепляется «когтем», потом пятка проседает, «коготь» впивается в материал столба, и он поднимается на один шаг. А теперь глянь на линолеум, на плинтус вот в этом месте и на обои над плинтусом. Что видишь?

– Понял, Лев Иванович. Он сюда «когти» бросал, когда возвращался. Под вешалку. Не очень часто, потому и повреждения не особо заметные. Не каждый день он ими пользовался.

– Все правильно, – согласился Гуров. – И вот что мы с тобой теперь имеем. «Когтей» нет. Они нужны были тому, кто снимал телефонный кабель со столбов. Калинин ли дал этому человеку «когти», сам ли этот человек их взял или это Калинин лазил на столбы?

– Я думаю, что Калинин не лазил, Лев Иванович.

– Почему?

– Видели, какой порядок в профессиональной части у Калинина? Пьянство – одно, а работа – это для него другое, наверное, даже святое. Не стал бы он связь рушить. А еще мы с вами в карманах у Калинина не нашли ни одного ключа. Они ведь у него должны были быть. От трех дверей. Мне кажется, что это лучшее доказательство его невиновности.

– Молодец, лейтенант, – улыбнулся Гуров, – растешь. Только для нас с тобой было бы лучше, если бы все указывало на Калинина. А так... нам теперь голову сломать придется, но настоящего преступника вычислить.

Он хотел добавить, что этот преступник, кроме всего прочего, еще что-то готовит, но при посторонних ничего говорить не стал. А ведь они ни на шаг с Чебриковым не приблизились к решению загадки, с какой целью все эти преступления совершались.

Глава 5

Снова в том же составе они собрались в карьере. Вечно веселый Лешка Штыков, здоровенный молчаливый Боря Плетнев, Игорь Захаров, смотревший на все, чем они занимались в последнее время, с легкой, еле заметной иронией, и Павел Бочкин, который с каждым днем становился все угрюмее и угрюмее.

– Ну, команда помощников, добровольные наши активисты-общественники, – с улыбкой посмотрел каждому в глаза Лев, – наша задача на сегодня следующая. Друзья железнодорожники на плоту прочесывают багром затопленное дно карьера с целью найти срезанный кабель. А мы, все остальные, прочесываем край карьера от спуска до вон того поворота. Берем полосу от среза воды до кромки карьера. Нас интересует все постороннее, что не относится к произведениям матушки-природы. Любые следы человека и человеческой деятельности. Любого срока давности. След сапога, окурок, фантик от конфетки, гвоздь! Все, что угодно! Смотреть внимательно и неторопливо.

Сегодня Гуров с Чебриковым больше не объясняли, что ищут следы убийцы Калинина или само место преступления. Они еще вчера, когда собирали помощников, вкратце упомянули о цели поисков. Всегда оставался шанс, что убийца или его сообщник могли оказаться в числе этой группы, и Гуров преследовал две цели: найти следы и поймать за руку того из преступников, кто, найдя следы, попытается их уничтожить. Для этого он собирался не столько искать самому, сколько наблюдать за помощниками. Такую же задачу он поставил и Чебрикову. Будут добросовестно искать кабель в воде или только делать вид? А если случайно зацепят крюком? Сделают вид, что упустили и утопили веревку? А эти двое на берегу? Если кто-то из них убийца, то как он обойдет место убийства? Или не обойдет, а попытается, скажем, затоптать следы крови. Ведь Калинина убили где-то рядом. Кровь толком свернуться не успела, когда его тело приволокли и положили на плот в воде.

По самому низу идти бесполезно, думал Гуров, глядя, как там бродит Чебриков, незаметно бросавший взгляды на Захарова и Бочкина, а потом на ребят на плоту. Там все следы уже уничтожены, да и мы там уже достаточно искали. И наверху вряд ли что найдется. Тут все равно что в чистом поле совершать преступление, у всего мира на виду. Нет, самое интересное можно найти, если оно есть, на тех двух террасах, что сформировались в процессе разработки карьера. Полазить ребятам придется. Вон там проходила дорога, там машины спускались в карьер. Это когда он еще был метров на пять мельче. Потом стали разрабатывать следующий ярус, углубляться.

Гуров понимал, что рискует, послав Захарова и Бочкина на самый интересный участок карьера. Там ведь важны даже недавно сдвинутые с места камни, поврежденный почвенный покров, сломанный кустик. Ничего, Захаров, скорее всего, непричастен ко всем этим играм, и у него глаз охотника. И если Бочкин для него конкурент в любовных делах, он будет ревностно поглядывать и за Бочкиным. А вот Бочкину Гуров стал верить все меньше и меньше. Прямых улик против него не было, но косвенных набиралось уже прилично.

Гуров вышел на восточный край карьера и замер от неожиданности. Полоса леса, ранее скрывавшая этот район, теперь не мешала. Огромный участок, размером с маленький аэродром, был расчищен. В нескольких местах виднелись неглубокие котлованы с забитыми в них сваями. Верхушки свай были срублены, и веером торчала арматура, белели россыпи бетонных осколков. Еще дальше виднелась насыпь, похожая на железнодорожную.

– Во, хозяйство было бы, да? – послышался рядом голос Захарова, который взбирался по склону. Выбравшись, он отряхнул руки, колени и стал весело взирать на заброшенное строительство.

– Что тут строилось? – спросил Гуров. – Обогащительный комбинат?

– Точно, – кивнул охотник. – Мы когда пацанами тут еще бегали, здесь тайга стояла вековая. А это уже без меня наработали. Столько денег вбухали и бросили.

– Ну, ничего же не успели построить, – возразил Гуров, – вовремя остановились.

– Это вам так кажется. А нулевой цикл – это едва ли не половина стоимости строительства. Без коммуникаций, конечно. А здесь деревьев сколько покорчевать пришлось, а скального грунта сколько выбрать. Тоже ведь взрывали, наверное. Потом доставка свай, забивание, их тут тысячи забиты. Года два работа кипела, не меньше, а может, и три.

– Да, грандиозно развернулись и не менее грандиозно все бросили, – согласился Гуров. – А вы полагаете, что там нам тоже придется все прочесать? Наверняка есть места, где можно что-то спрятать.

– Я думаю, что перспектив у нас там никаких. Во-первых, все голо и все на виду, а во-вторых, я две пары сапог порвал резиновых, дорогих, там арматуры, железа всякого ржавого и острого море. Я походил в свое время, больше не хочу. Нет, Лев Иванович, если, как вы говорите с участковым, Калинина убили где-то рядом, то только в карьере. Он ведь изгибается весь, перепады высот, тут полк спрятать можно, а уж одному человеку ударить ножом другого, чтобы никто не увидел, – самое то. В лесу нельзя, там охотники следы заметят, а сюда охотники не ходят.

– А на стройплощадку ходят? – спросил Гуров с доверчивой улыбкой.

– Не ходят, – не менее доверчиво улыбнулся Захаров. – А если вы меня имеете в виду, то мне просто интересно было посмотреть, что тут натворили со времен моего детства. Да и не охотник я. Так, любитель побродить по лесу с ружьишком.

Это точно, подумал Гуров. Хорошая легенда для человека, который часто ходит с ружьем, где-то пропадает, а потом возвращается, но без добычи.

– Я чего поднялся, Лев Иванович, не хотел кричать на весь карьер. Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Место, которое охотник хотел показать, было совсем рядом. На относительно ровной, но сильно захламленной площадке, почти посередине между кромкой карьера и его дном.

Захаров присел на одно колено у самого края этой площадки и что-то рассматривал там, то наклоняясь лицом почти до камней, то выпрямляясь. Гуров подошел и присел рядом. Да, парня можно похвалить, охотничьи данные у него просто отличные. Это был явно пепел. Тут кто-то курил. Причем курил трубку, а потом ее выбил о камень. Весь пепел одним комком, часть не до конца прогоревшего табака.

– Это не просто пепел, – сказал Захаров, осторожно набрав в ладонь немного пепла. – Во-первых, это трубочный табак, и курили тут как раз трубку. По запаху... это было сегодня.

– Точно сегодня?

– Да, ночью у нас обильная роса, и он бы подмок основательно. А он сухой, и прелым не пахнет. И курил пожилой человек.

– Даже так? – искренне удивился Гуров. – А откуда такие выводы?

– Очень просто. – Захаров показал рукой вправо, в сторону спуска. – Он шел оттуда, устал, запыхался и, взобравшись сюда, на ровный участок, присел передохнуть. Вон чуть дальше, видите, он наступил на камень, а камень в рыхлом слое и съехал чуть назад. Значит, оттуда он шел.

– А может, он тут спускался?

– Так ему же все равно надо было сюда сначала подняться, – засмеялся Захаров. – Вы посмотрите, тут других мест для спуска или подъема нет. Одна дорога. Надо спросить Чебрикова, он будет пепел для экспертизы собирать?

– Ну, до экспертизы еще далеко, – пожал плечами Лев. – Наверное, все же надо собрать. А много у вас в поселке курят трубки?

– Да полно, – отряхивая ладони, ответил Захаров. – Я считать не пробовал, нужды не было, но часто вижу, когда по улице иду. Привык народ за те времена, когда тут с сигаретами плоховато было.

Внизу участковый уже призывно махал рукой. Бочкин, все с тем же угрюмым выражением лица, спускался к воде, а железнодорожники сустились на своем плоту. Кажется, у них зацепилась веревка. Когда Гуров и Захаров спустились, то поняли, что обошлись и без них. Чебриков и Бочкин с натугой волокли что-то из воды, а парни на плоту гребли к берегу с довольными физиономиями.

Вчетвером они вытащили на берег свернутый в кольцо черный кабель.

– Вот зараза! – веселился спрыгнувший с плота на берег Штыков. – Там, видать, камней торчком много на дне. И он все время за них цеплялся. С одного стащишь, за другой зацепится. А кабель-то новый! Он, похоже, да?

– Ну, вот, – почесал в затылке участковый. – Кабель мы нашли. Но вопросов теперь только добавилось.

– Куда нам его девать? – поспешно сменил тему Гуров, чтобы Чебриков своими глубокими мысленными вопросами не выдал все их версии и не раскрыл подозрения насчет связи всего происходящего. – Наверное, как вещественное доказательство придется тащить его к участковому. Так, товарищ лейтенант?

Чебриков молча кивнул, бросив взгляд на Гурова, видимо, понял, что чуть не сболтнул лишнего. Гуров предложил оставить пока кабель на берегу, оттащив его чуть в сторону под отвесную стенку карьера, чтобы он не бросался в глаза посторонним, которые могут забрести в карьер.

– А вы там чего нашли? – спросил участковый, когда они оттащили кабель и двинулись вверх по склону.

– Там кто-то о камень выбивал пепел из трубки, – стал рассказывать Гуров. – Присел покурить, потом выбил пепел и дальше пошел. Захаров нашел. Кстати, он же определил, что курили сегодня. Наверное, утром, пока нас не было в карьере. Вопрос, кому и зачем сюда ходить? Да еще если человек действительно в возрасте.

– Тут сколько хлама, – кивнул головой участковый в сторону площадки. – Может, железку какую хотел для хозяйства найти, может, доска нужна или проволока. Кстати, а кабель-то бросили почти в том же месте, где и тело Калинина.

– Потом обсудим, Володя, я понял.

Гуров поднялся вместе со всеми на площадку и во второй раз осмотрел ее.

– У меня такое ощущение, – заметил он, идя среди яркой картины бесхозяйственности, – что тут было что-то вроде хозяйственной площадки. Может, она осталась со времен, когда эта часть была еще дном карьера, а потом углубили карьер, и площадка стала слишком высоковата для использования. А хлам остался.

– Смотрите-ка! – позвал Лешка Штыков. – А тут дверь!

Все собрались около него, глядя на еще хорошо сохранившуюся дубовую массивную дверь, усиленную железными полосами на мощных болтах. Большой ржавый замок венчал этот монумент былого величия.

– На склад похоже, – неуверенно произнес Чебриков. – Склад в пещере?

– А что, очень удобно, – заговорил Плетнев. – Строить склад не надо, лишнюю бытовку везти под склад не надо. Дверь установил, и, пожалуйста, пользуйся.

– А сюда кто-то ходит, – вдруг сказал Захаров, и все обернулись в его сторону.

Охотник показал рукой себе под ноги. Каменистая почва почти везде была покрыта проросшей травой и мелким чахлым кустарником. Если приглядеться, то и в самом деле возникло ощущение, что к двери в скале вела еле заметная, но вполне найденная тропинка.

– Кто-то ходит сюда покурить, – пошутил Захаров и посмотрел назад.

Все снова обернулись. С самого подъема торопливо шел, изредка спотыкаясь, дедок лет восьмидесяти с сучковатой палкой в руке, на которую он опирался, припадая на одну ногу. Лицо у старичка было серьезное, но не озабоченное.

– Участкового нашего вижу, – заговорил дедок хриплым голосом. – Значит, власть. А позвольте узнать, чего это вам тут спонадобилось? А, товарищ лейтенант?

– «Хозяин медной горы» пришел, – хихикнул Лешка и спрятался от суровых глаз старичка за спину Плетнева.

– Я тут приставлен сторожем, – строго ответил старик. – Тут вам не просто так, тут склад оставлен начальством, еще не вывезенный. Говорили, что карьер может возобновить работу, вот кое-чего и оставили. А склад большой, не смотрите, что снаружи не все видать. Я по договору каждый день сюда хожу замок проверять, на предмет повреждений или проникновения какого. Такие вот дела. А вы тут чего?

– Мы тут по делу, отец, – строго заявил Чебриков, которого Гуров незаметно подтолкнул в спину. – А я вас что-то раньше не видел. Вас как зовут?

– А чего меня видеть, когда я раз в день прибегу, покурю вон на камушке, проверю исправность, да опять домой. Ермолаев я, Николай Петрович. Документов с собой, извиняйте, нету, чтобы личность подтвердить. Только меня в поселке все знают. И Пашка вон Бочкин знает, – кивнул старик на Бочкина. – Чего не здороваешься, Павел?

– А ключа у вас, значит, нет от склада? – снова спросил Чебриков.

– А на что он мне? Я же не кладовщик. Да по честности, там и ценного-то ничего уже не осталось. Это я так, для порядка суровость навел, что, мол, материальные ценности и все такое. Бочки там из-под горячего, ящики деревянные, тара то есть. Строительного инвентаря порядком, наверное, осталось. Тут ведь, сейчас коснись чего снова возобновлять, бытовки там ставить для рабочих, для водителей, все ведь везти надо. А это вон лежит, ждет. Привози людей, выдавай инвентарь, и пошло-поехало.

– Значит, склад не очень ценный был?

– Нет, был-то он раньше очень ценный. Помнится, начальник карьера очень обрадовался, когда пещерка-то открылась. Они ее с горными инженерами обследовали, укрепили, где надо, и вот тебе склад. Там ведь в былые времена и взрывчатые вещества хранили, и весь шурум-бурум, что для взрывов надо. Карьер-то разрабатывали взрывным способом. Заложут взрывчатку в шурфы специальные, потом, бах, порода вся в крошево, и пошли экскаваторами наворачивать в кузова. Да Пашка вон знает, он ведь тут несколько лет, как с армии пришел, на взрывных работах был, пока в город не подался. Учиться, что ль, ездил, а, Павел?

– Жениться, – проворчал Бочкин и отошел в сторону.

– Ребята, – посмотрел на своих помощников Чебриков, – давайте продолжать осмотр. Теперь Штыков с Плетневым подключатся. Двигаемся снова в том же направлении. А я пока задержусь побеседовать с Николаем Петровичем. Лев Иванович, задержитесь тоже.

Бригада помощников снова рассыпалась по уровням от воды до самого верха. Ермолаев сидел на старом ящике и невозмутимо набивал трубочку из расшитого бисеринками кисета. Гуров взял участкового за локоть и отвел чуть в сторону.

– А ведь Бочкин опять ничего не сказал про то, что работал тут взрывником, – заговорил тихим голосом Чебриков. – Не находите, что он часто и о многом умалчивает?

– Вообще-то он создает впечатление неразговорчивого человека. Типаж вполне характерный. Не это главное, Володя, главное, что он, оказывается, знал про этот склад. Мы стояли, гадали, дверью любовались, предположения строили, а он все знал и молчал. И еще, он, как мне показалось, все время пытался встать за спинами других, когда к нам подошел сторож.

– Может, случайность, Лев Иванович?

– Может. А может, и умышленно. Что-то сильно мне Бочкин перестает нравиться. Ладно, будем думать. Пошли к старику. Ты его начни допрашивать, он вполне мог видеть что-то или кого-то в день убийства Калинина, а то и в день гибели капитана Воронина.

Старик смотрел на подходившего к нему участкового спокойно, даже без интереса, только щурился от табачного дыма. Да, старичок был при деле и гордился этим. Вроде не на завалинке досиживает свой век, а на службе. И с участковым он себя чувствовал явно на равных. Что ж, это даже хорошо, подумал Гуров, прикидывая на ходу психологический портрет сторожа. Если к нему с уважением и подчеркнутым доверием, то и разговор вполне доверительный может произойти.

– Скажите, Николай Петрович, – подсел к старику Чебриков, – а вы часто тут людей видите, когда приходите со своими проверками? В самом карьере, возле него.

– Да никого не вижу. Я ж спозаранку прибегаю, с петухами. Днем всякие дела дома есть, по хозяйству, а с утречка самое время службу справить. Старики ведь рано встают, вам это еще неизвестно. И ночь как век тянется, аж бока все отлежишь, ждешь не дожدهшься, когда светать начнет.

– Значит, за столько лет вы вообще никого тут не видели?

– Ну, за столько-то лет видел, конечно. Пацаны вот на велосипедах приезжали, так это еще когда в поселке жизнь кипела. Комиссии всякие наведывались, оценку проводили. А уж какую, не знаю. А потом все перестали карьером интересоваться. Последние года три не было уже ни души. Некому. И пацанов в поселке не осталось.

– А прежний участковый чего сюда ходил? – спросил Гуров.

– Михаил Андреич-то? Да вот сам диву даюсь, чего его сюда понесло, – сокрушенно покачал головой старик. – Может, увидел чего, непорядок какой, показалось чего, а может... Так пил же он. А когда человек пьет запоями, то чего про него говорить. Он порой туда пойдет, куда другого здравый смысл не пустит.

– Вы его в тот день, когда он тут погиб, не видели?

– Так вы снова про участкового приехали расспрашивать? – сделал вывод Ермолаев.

– В том числе, – кивнул Чебриков.

– Нет, вот в тот день я его не видал. Месяц, почитай, прошел, а то и больше, как его нашли. Кто, уж и не припомню. Кто-то из охотников, что ли, верхом шел. Меня следовательно допрашивал... Я ведь, грешным делом, приболел тогда, дня три, наверное, не хаживал сюда на службу.

– Простудились? – поинтересовался Гуров.

– Животом меня скрутило, – признался старик. – А то бы я его, конечно, увидел. Говорят, внизу он у берега лежал. Видать, как плохо стало, так и качнуло в сторону, сознание потерял. А уж в воде-то и утоп.

– Это вы так думаете или следовательно вам такую версию рассказал?

Старик непонимающе посмотрел на Гурова, скривил губы, пожал плечами. И тут Гурову пришла в голову еще одна мысль. А что, если старика специально чем-то таким отравили, чтобы он несколько дней с постели не вставал?

– Скажите, а Павел Бочкин тогда в поселке был?

– Пашка? Не, Пашка вот только появился. Я и удивился, чего это его через столько лет принесло, у него и родни-то тут никого.

– А из тех, кто сейчас тут был, вы кого-нибудь знаете, Николай Петрович?

– Вон тот, лопухий, молодой. Кажись, железнодорожник. Я его на дрезине с Рыбниковым видал. А остальных... нет. Я же живу на отшибе, мне и в поселок причин ходить нет. Пенсию мне привозит почта, зарплату сторожовскую тоже. А в магазин бабка моя ходит.

– А связиста Калинина вы знаете? Он еще в поселке электриком подрабатывает. Невысокий такой.

– Электрик? Нет, не сталкивался. По-бытовому я кое-как сам кумекаю, а большого у меня в доме-то и нет.

– Ладно, последний вопрос к вам, Николай Петрович. Вы последние три дня всегда в одно и то же время ходили проверять свой склад?

– А как же, по утрачку, с петухами.

– Это во сколько? В четыре, в пять, в шесть?

– Ну, в шесть я уже во дворе вожусь. Часика в четыре или в полпятого встаю, чайку горячего выпью, и айда в карьер. Минут сорок у меня дорога в оба конца займет, потом опять чайку, и за дела. В доме дел-то всегда невпророт.

– Ну, спасибо вам, Николай Петрович, – протянул старику руку Гуров. – Вы уж извините, что задержали вас тут. Счастливо вам!

– Ну, пойду, пойду! – деловито поднялся с камня старик. – А вы, значит, по новой улики ищите. Эх, хороший был человек Воронин, только сам он утоп. До чертиков допился, вот и утоп. Ну, не буду мешать, побежал.

Когда старик скрылся за спуском, Гуров неторопливо пошел к двери склада. Его снизу не было видно, его сейчас вообще никто не видел кроме Чебрикова. Он повозился с замком около минуты, потом подошел к участковому и присел рядом с ним на камень.

– Вот тебе еще фактик для существующей картины мироздания. А для нас с тобой все мироздание – это твое Белореченское.

– Что случилось?

– Замок, Володя, смазан, и смазан хорошо. Это не железяка, которая висит тут пять лет и проржавела насквозь.

– Но у Ермолаева нет ключа, Лев Иванович! Или вы считаете, что он врет?

– Нет, старик врать не станет. Не той закалки человек. Да и незачем ему. Он тут для вывески, для порядка. А есть еще кто-то, кто следит за замком. Либо для того, чтобы он был готов в любую минуту, либо им постоянно пользуются.

– Бочкин? Он тут работал взрывником, а Ермолаев сказал, что в этом складе хранили взрывчатку.

– Не знаю, – покачал головой Лев. – Бочкин пропал где-то очень много лет. Его появление здесь заметно, хотя от этого он не становится менее подозрительным. Просто мы пока с тобой ничего не понимаем. Наверняка кто-то есть еще. Не забывай, что кабель сняли до приезда Бочкина. Значит, есть помощник.

– Калинин?

– Не исключено, – согласился сыщик. – Не исключено, что именно Калинин унес и спрятал где-то свои монтерские «когти», чтобы отвести от себя подозрения в случае, если все вскрыется. Украдены, вот и все. Только если мы с тобой будем и дальше так рассуждать, то неизбежно придем к выводу, что Калинин покончил с собой. Пырнул себя два раза ножом, пришел на берег и утопился. Бред, Володя, все бред! Мы столько новых фактов вскрыли, но к разгадке не приблизились ни на шаг.

– Это вы вскрыли, Лев Иванович! Я бы даже не допер до всего этого, что вы тут раскопали.

– Опыт, Володя, – мягко улыбнулся Гуров, поднимаясь на ноги. – Опыт выстраивать причинно-следственные связи.

– А может, поступим проще, Лев Иванович? Давайте вот так же, как и с квартирой Калинина, составим акт и вскроем этот склад. Осмотрим, а потом запрем и опечатаем.

– Мы, Володя, даже думать об этом не должны, чтобы не выдать своего интереса к нему, не выдать, что поняли, что замок не ржавый, а поддерживается в рабочем состоянии, иначе вспугнем преступников. Не время еще. Все надо делать вовремя, тогда, когда от этого бывает наибольшая польза. Сейчас польза в том, что мы демонстрируем свою незаинтересованность в

складе. Если кто-то тебе предложит его обыскать, ты ответишь, что это чужая собственность, что для такого обыска нужно постановление следователя или суда. Квартиру Калинина мы обыскивали потому, что есть факт преступления, а здесь факт чего? К тому же обязательно присутствие материально ответственного лица от конторы – владельца склада.

– Значит, вы не думаете, что на складе мы найдем нечто, что прольет свет на...

– Вот видишь, – не очень весело засмеялся Гуров, – ты и замялся на полуслове. Прольет свет на что? Какое отношение имеет склад администрации карьера к убийству связиста Калинина, который в этой организации не работал? А все остальное – наши домыслы. Мы с тобой должны поглядывать за складом. И мы с тобой достаточно уже тут нашумели, чтобы предположить следующее: если на складе что-то прятали, то теперь это оттуда убрали. Не будем афишировать свой интерес к пещере, и никто туда не сунется, а у нас будет больше гарантии найти там веские улики или зацепки. Начни мы сейчас интерес проявлять, завтра его так вычистят, что мы и следов склада не найдем. Например, случится обвал, и поминай его как звали. Вот я чего боюсь, Володя. А мы с тобой пока даже не знаем, что именно там искать, на что обращать внимание.

– Смотрите, – показал участковый рукой вниз, когда они с Гуровым начали спускаться в нижнюю часть карьера. – Наш сторож там с Бочкиным стоит разговаривает.

Бочкин курил, стряхивая пепел сигареты в сторону, и смотрел, как его уносит ветерком. А старик-сторож стоял рядом и о чем-то расспрашивал бывшего взрывника. Лицо у старика было добродушное и какое-то ласковое. Наверное, о жизни в городе спрашивал. Бочкин отвечал что-то неопределенное, судя по тому, как часто он пожимал плечами. Что у этого человека на душе? Вел он себя как-то странно, всех сторонился, но в себе не замыкался, не оставался в одиночестве. Как-то это все непонятно. Любовь в Оксане, ревность к Захарову? И сейчас, углубившись в себя и кое-как отвечая Ермолаеву, Бочкин не слышал шагов Гурова и Чебрикова. Да и легкий ветерок уносил звуки в сторону.

– Слушай, Павел! – громко вмешался в разговор Гуров, отчего Бочкин даже немного вздрогнул. – А скажи, взрывчатку отсюда всю вывезли?

– Чего? – оборачиваясь и с некоторым недоумением глядя на участкового и охотничьего инспектора, ответил тот. – А я откуда знаю? Я уволился несколько лет назад.

– Ах да, – махнул рукой Лев, – я и забыл. Конечно.

– Ну, вывозить ее не стали, – тоном наставника заявил вдруг Ермолаев. – Чего ее туда-сюда таскать, это дело не простое да и опасное, мало ли чего может случиться. А вокруг дети. Да и разрешения всякие надо оформлять на перевозку опасного груза. Сопровождение полиции оформлять, еще кого-то, наверное, извещать. Канитель, одно слово!

– Что, она здесь? – спросил Гуров равнодушно, еле сдерживая эмоции от того, что интуитивно попал в самую точку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.